

Евгения Изюмова
«Жемчужное ожерелье
или
Повесть
о певучих душах»

г. Волжский

Наверное, я счастливая, если рядом со мной всегда было больше хороших людей, чем плохих. С детства меня тянуло к людям, у которых я могла научиться чему-то полезному, причём это были люди старше меня - от них я набиралась мудрости и жизненного опыта. Поэтому, неудивительно, что, когда я познакомилась с участницами хора «Зоренька» ассоциации «Дети военного Сталинграда», у меня возникло желание узнать их лучше. А когда узнала, захотелось о них поведать уж если не всему миру, то хотя бы рассказать жителям своего города, в котором прошла половина моей жизни.

Я благодарна этим замечательным женщинам за терпение, с каким они выслушивали мои многочисленные вопросы, за искренность и правдивость их рассказов, за то тепло, которым они окружали меня во время наших вечерних встреч, ведь я приезжала к ним после окончания рабочего дня – уставшая и голодная. Судьбы этих милых и очень дружных женщин такие разные и в тоже время словно яркие стеклышки-смальта одного огромного исторического мозаичного полотна. Общение с ними я могу сравнить лишь с ощущением тепла, которое исходит от настоящего, не искусственного, жемчуга. Впрочем, я их рассказы и в самом деле нанизывала один за другим, словно жемчужины на нитку, и так получилось целое ожерелье – прекрасное жемчужное ожерелье.

Да, наверное, я и в самом деле счастливая, если судьба по-прежнему сводит меня с хорошими людьми...

«МЫ ВЫЖИЛИ БЛАГОДАРЯ НАШЕЙ МАМЕ...»

Детьми и внуками Надежда Тарасовна Анненкова очень гордится – большие умницы. Сын Юрий - отставной офицер вместе с женой получил второе, экономическое, образование. Дочь Люба окончила Волжский инженерно-строительный институт. Внучка Вера решила стать врачом и поступила в медицинскую академию.

- Сама! Никто за нее не хлопотал, – с гордостью сообщила Надежда Тарасовна. - В общем, все сейчас у нас хорошо. Вера меня очень радует. Но я думаю, чтобы в жизни произошло что-то хорошее, надо пережить плохое.

А плохого в жизни Надежды Тарасовны было немало, но, видимо, сильный у её семьи Ангел-хранитель, заботливый, если плохое в конце концов обращается хорошим. И она стала рассказывать про свою долгую, с 1937 года, жизнь.

- Мои родители, Пелагея Фёдоровна и Тарас Николаевич Смусевы – уроженцы Светло-Ярского района, который вплотную прилегает с юга к Сталинграду. Потом они переехали в Красноармейский район, где жили родители папы - бабушка Степанида и дедушка Николай. Там я и родилась 15 сентября 1937 года. А когда началась война, папу отправили на фронт 13 сентября, так он и не отметил мое четырёхлетие. А с мамой осталось дочери – Лена, Нина и я. Папу мы увидели только в 1942 году, когда его после госпиталя отпустили домой долечиваться на сорок два дня, а потом опять он, хоть хромота еще не прошла, ушёл на фронт. Они

находились сначала в районе Пичуги возле Дубовки, оттуда он прислал нам письмо: «Я иду в бой за родной город». С тех пор от него не было никаких вестей, скорее всего он погиб во время бомбёжек, и сколько мы потом его ни искали, сколько ни писали в разные инстанции, отовсюду приходил один ответ – «Пропал без вести». Впрочем, в то время, осенью 1942 года такая мясорубка возле Сталинграда была, что не приведи Господь кому-то увидеть то, что видели мы, сталинградцы.

Нас вывезли из Красноармейска 17 ноября. Разрешили взять с собой только тёплые вещи, потому мама одела нас, словно матрёшек, да ещё прихватила кабинетную швейную машинку, потому что хорошо умела шить и всегда считала, что это умение – верный кусок хлеба в жизни. Правда, машинку она потом поменяла в какой-то воинской части на 9 мешков полулущёного ячменя, и это было целое богатство! Ячмень тот, можно сказать, спас нам жизни. А вообще я считаю, что мы выжили благодаря нашей маме - она у нас была очень самостоятельная и находчивая, в любой ситуации находила выход.

Именно 17 ноября представители Ставки Верховного Главнокомандования А. М. Василевский и Н. Н. Воронов устно доложили Верховному Главнокомандующему о готовности фронтов Сталинградского направления к контрнаступлению, потому что фронты сомкнулись и готовы сжимать кольцо вокруг 6-й немецкой армии, командовал которой фельдмаршал Ф. Паулюс. Что касается эвакуации, то с начала боевых действий на территории области из

Сталинграда было эвакуировано до ста тысяч человек, причём из них местных жителей всего 35-40 тысяч.

Смусевых вместе со своей семьей через Волгу переправлял двоюродный брат Тараса, который приехал на побывку из госпиталя. Вместе с ним в лодке кое-как разместились 10 человек – трое взрослых и семь детей мал-мала меньше. И только выгреб он на середину реки, как из-за берегового бугра вывернулся фашистский истребитель и, увидев лодку, в которой сидел военный, с воем спикировал вниз.

Женщины, повалив детей на самое дно, прикрыли их своими телами, взметнули руки к небу и стали молить Бога о помощи. Самолёт вышел из пике и на бреющем пролетел над лодкой, взмыл вверх и повторил заход. Потом ещё и ещё... Женщины истово молились, а солдат, надрывая жилы, грёб и грёб, гнал лодку к берегу. Немецкий самолёт улетел так же внезапно, как появился, ни разу не выстрелив. Зачем летчик так сделал? Пугал? Развлекался? Надежда Тарасовна до сих пор не может это понять.

- Видно, то не наша смерть прилетала, - сделала вывод она в конце концов. – Мы видели лицо лётчика – обычное, не злое, он даже не смеялся, просто летал над нами. Но мы, дети, так были перепуганы, что несколько часов потом не могли слова вымолвить – голос пропал.

Эвакуированных сталинградцев высадили на берегу – дальше, мол, как хотите, устраивайтесь, но ни в коем случае не разжигайте

огонь: немец разбомбит. А куда идти? Пустынный песчаный берег да лес неподалеку, а что за лесом, большой ли он, есть ли дороги к какому-нибудь селению - неизвестно. Пелагея сбила детей в кучу, накинула на них одеяло, чтобы хоть немного согрелись, сидела в растерянности на берегу. А тут дождь пошёл, ведь время – осеннее. К утру снежок заваялся, ударил мороз, и мокрая одежда заледенела. Тут Пелагея плюнула на все запреты, собрала валежник и разожгла костер, мол, хоть стреляйте, а костер не погашу – девочки застудились совсем, а о том, что и у самой зуб на зуб не попадал, она не думала.

На их счастье им встретилась соседка, у которой отец был лесничим и жил в лесу в небольшой избушке. Вот в той избушке и обосновались вместе с ними двенадцать семей. Теснота ужасная, если лягут спать – ногу поставить некуда, обязательно на кого-либо наступишь. А потом армия пошла в наступление, стали освобождаться солдатские землянки, беженцы заселились туда. В каждой землянке обосновалось по 4-5 семей. Сыро, грязно, холодно. Скарлатина начала детей косить одного за другим. А в ту землянку, где жили Смусевы, болезнь не вошла. Все удивлялись, а секрет, наверное, был прост – все жильцы землянки питались кашей из ячменя, который Пелагея выменяла на свою швейную машинку.

Когда немцев отогнали от Красноармейска, беженцы вернулись в свой дом – пустой, захламлённый. Хотя в доме Смусевых и располагался штаб, но мужчины – есть мужчины, в то смутное

военное время они не особенно следили за сохранностью чьей-то собственности, потому с лёгкой душой пустили всю мебель на топливо.

Засучила Пелагея рукава и вместе с девчонками выгребла грязь, вымыла всё, стены побелила, изгородь поправила. И стали жить: хоть пустой, да свой угол. И вновь ангел-хранитель позаботился о них – к ним определили на постой какого-то важного командира, и тот помог Пелагее устроиться на работу в офицерскую столовую. Оттуда украдкой приносила она детям в глиняной мисочке еду, да ещё паек давали – 400 граммов хлеба на всех. Этого хлеба всегда не хватало, и дети придумали варить из хлеба кашу – размочат его в воде и сварят.

- Помню, еще до эвакуации, как начнется бомбёжка, мама (она была набожная) заставляла нас молиться: «Говорите, дети – Господи, спаси нашего папу от раны, от смерти, чтобы вернулся он домой живым и здоровым». А у нас получалось: «Гободи, спаси нашего папу! Мама, дай хлеба, вот такусенький кусочек, вот столечко...» – и показываем ей полноготка. А когда у нас военный начальник появился, то мама почему запрещала нам при нём просить есть. Сёстры как-то сдерживались, а меня вечно разбирало, вот я и начинала канючить: «Мам, дай хлеба». Мама мне моргает, дескать, помнишь, я говорила – молчи. А я в ответ: «Что ты моргаешь? Дай хлеба!» В общем, перезимовали мы, наголодались так, что думали – никогда не наедемся досыта. И вот еще что интересно, видимо, права была мама, Бог нас и в самом деле хранил. Еще до эвакуации такой

случай был. Мы сначала во время бомбежек не знали, что делать. Кто бежал в окоп, а кто-то дома лез под кровать. И вот одна соседка во время бомбежки залезла под кровать вместе с детьми – десятилетним сыном и грудной девочкой. А тут бомба разорвалась рядом со стеной их дома. И видим из окопа, как они к нам бегут, мальчишка на вытянутых руках сестру несёт, а у той голова на ежа похожа от застрявших там стеклянных осколков, и кровь льётся рекой. Страшно даже сейчас это вспоминать, а уж как видеть-то было страшно! Девочка та выросла глухонемой из-за этих ран. 23 августа в страшный самый для Сталинграда день, Лена, средняя сестра, пошла вместе с подругой в магазин, где продавали конфеты и сахар. Они отстояли огромную очередь, и вдруг Лена заявляет: «Пойду домой». Подруга стала её уговаривать, мол, что ты пойдёшь, ведь осталось человека три перед нами, а Лена своё – устала, есть хочу, пойду домой. И ушла. Только во двор нашего дома вошла, как раздался рёв моторов, небо потемнело – там, как огромная стая воронья, самолёты летели. И началось! Лена вместе с нами была в укрытии, а в магазин попала бомба, и все, кто там был, и подруга Лены, погибли. К чему я это говорю? К тому, что у каждого своя судьба.

Однако судьба не была благосклонна ко многим сталинградцам. По данным Генерального Штаба в оборонительный период Сталинградского сражения, то есть с июля до дня официальной эвакуации погибло на фронте 323 тысячи 800 человек, среди них и Тарас Смусев. Правда, историки сейчас называют другую цифру,

почти в три раза больше. Но как бы то там ни было, а победа в Сталинграде, конечно, досталась Красной Армии тяжело. И всё-таки советские солдаты победили!

Вскоре после возвращения жителей из эвакуации, по улице сплошным потоком погнали пленных немцев. Грязные, оборванные и голодные, они часто падали замертво на дороге, их бросали на обочину. В доме неподалеку от Смусевых поселили пленных, которых заставляли убирать и хоронить трупы. Они часто висели на заборе и просили: «Клеб маль-маль», - и смотрели жалобно в глаза взрослых, а те, может быть, и рады были что-то подать, ведь русские люди отходчивые и жалостливые, да самим есть было нечего. Ребятишки же смеялись над пленными, дразнили их – они не понимали ещё, что такое милосердие. Впрочем, осуждать ребят за это трудно, потому что натерпелись они горя, многие уже были сиротами, а виновники этого – вот они, за забором, и не самоуверенные и жестокие, какими были в начале войны, а жалкие и униженные. Когда вернулись хозяева дома, пленных перевели, а весной из того двора вдруг поплыл тошнотворный трупный запах. Оказалось, что подпол дома был битком набит трупами – их туда сбрасывали сами пленные немцы, жившие в доме. Непонятно, зачем они не сообщали об умерших охране? Хозяева в ужасе покинули дом, вернулись обратно несколько месяцев спустя, когда подвал был очищен, продезинфицирован, а сам запах выветрился.

- И вот той весной мама уволилась из столовой и начала заниматься, как сказали бы сейчас, коммерцией. Она достала где-то швейную машинку, покупала на базаре старые простыни, красила их в черный цвет и шила стеганые ватные брюки и телогрейки. Потом свои изделия меняла в деревнях на продукты. Часть продуктов тратила на покупку материала и ваты, часть оставляла на пропитание. Стало нам легче жить, даже старушка-соседка как-то сказала маме, ты, мол, Пелагея, счастливая, твои дети хоть и не досыта, а хлеб едят. А то, что ей удавалось нас прокормить с большим трудом, надрывая свое здоровье, соседи в расчёт не брали. Да и разными были эти поездки – удачными и не очень, ведь разные были деревни. Одни стояли в стороне от военных дорог, там жили неплохо и после войны. А по иным селам дважды прошла армия – немецкая, а потом наша, так там было голодно. Потому в разорённых деревнях, особенно на Украине, мама с подругами сами подкармливали детей.

Когда мама уезжала, мы оставались одни. Нина, старше меня на 9 лет, вела хозяйство, готовила еду, мы её должны были слушаться, как будто это – мама. Лена была старше на 7 лет, она работала во дворе – воду носила, а бадейка-то полутораведёрная. Лена же и дрова пилила да колола. Ну а меня, маленькую, жалели, я училась в школе. Сёстры рано начали работать, не до учёбы было, а я школу всё-таки окончила. Училась отлично, мечтала о дальнейшей учёбе, а мама посоветовала поступить в швейную мастерскую, швея, мол, всегда будет кусок хлеба иметь. Я понимала, что мама и впрямь нас тем

подняла на ноги, что умела шить да вязать, потому спорить не стала и пошла работать. Мама наша умелая была, выполняла и женскую, и мужскую работу. Мы у неё многому научились. Смотрю на сегодняшнюю молодёжь, и как она не похожа на нас! Мы были, как маленькие старушки, нам не надо было напоминать, что вот следует огород полить, надо забор починить. Мы это видели и делали сами, потому что надеяться было не на кого.

В 1959 году Надя вышла замуж и стала Анненковой. Через год родилась дочь, которую сначала хотели назвать Наташей, но муж Виктор вернулся из ЗАГСа после её регистрации и сказал: «Ну какая она Наташа, если ты у меня – Надежда? Пусть будет Любовь». А когда у Любы родилась дочь, то сомнений не было в выборе её имени – Вера. Вот и живут они с Любовью к друг другу, с Надеждой и Верой в будущее. И невидимый Ангел-хранитель, помогавший всю жизнь Пелагее Фёдоровне, распростер свои крылья и над ними.

Анненковы приехали в Волжский в 1963 году. Сняли на Рабочем кварталу - приспособленный под жильё подвал. Надежда работала в «Сталинградгидрострое» табельщицей, а Виктор – на шинном заводе. И вот ушли они однажды на работу, дочь всё ещё спала. Когда Люба проснулась, её в комнату к себе взяла хозяйка – девочку оставляли на весь день с ней. А через полчаса грянула беда – прорвало очистные сооружения, которые находились за поселком, и вода хлынула в подвал Анненковых, затопила его до самого верха.

За лето подвал просушили, отремонтировали. Хозяин даже воду провёл туда. И надо же такому случиться, что весной, в день рождения Любы – 28 марта, подвал опять затопило - на сей раз туда прорвалась внешняя вода. Остались почти в том, что на себе было. Пошли к директору шинного завода с просьбой оказать помощь, а тот сказал, что не имеет возможности помочь материально, тем более дать квартиру. Пошли в горисполком. Там не отказали и выписали ... 150 рублей.

Квартиру Анненковы получили несколько лет спустя, когда Виктор Иосифович работал уже на заводе резиновых технических изделий – ушел с шинного от обиды, что не помогли, хотя на том заводе он проработал семь лет. Семья так намаялась по чужим углам, ведь их было уже четверо – родился сын Юра - что когда им предложили ордер на двухкомнатную квартиру, то не отказались. Виктор получил ордер, позвонил жене и сообщил об этом, и Надежда... заплакала навзрыд. От счастья, что сбылась мечта иметь собственное жилье, от ушедших в небытие невзгод.

Ангел-хранитель не оставил своей милостью и Юрия, который стал военным. Армия наша, как известно, всегда на острие всех негативных событий. Вот и лейтенант Юрий Анненков сначала был ликвидатором в Чернобыле. Не погиб, но здоровье в настоящее время желает быть лучшего.

Надежда Тарасовна бережно хранит фотографии, на которых Юрий запечатлен во время работы на четвертом аварийном блоке

Чернобыльской атомной электростанции. За участие в ликвидации той аварии Юрий награждён правительственной наградой, а командир части, где он служил, вручил ему благодарственное письмо с такими словами: «Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества...» Заслуги Юрия в ликвидации аварии оценены по достоинству, однако медики упорно не признают, что ухудшение его здоровья связано именно с этой аварией.

Только Юрий вернулся из Чернобыля, как запыхался конфликтом Нагорный Карабах. Его отправили туда так спешно, что он даже семье не успел сообщить, куда едет. Несколько месяцев родители и жена искали его, пока не пришло письмо командира части с сообщением, где он находится, и что скоро ему на смену придёт другой офицер. Так и случилось. И, наверное, вновь не обошлось без ангела-хранителя, если увёл он Юрия от верной гибели, потому что сменщик его погиб вместе с нарядом в тот же вечер. Ребята были расстреляны в упор, а кем – поди разберись, если днём обе конфликтующие стороны прेमилу улыбаются военным, а по ночам те и другие открывали по ним огонь.

Когда сын приехал в отпуск и рассказал о гибели сменщика, то Надежда Тарасовна тайком плакала несколько ночей подряд, осознав, что сын чудом остался жив, ведь он мог быть на месте погибшего офицера, если бы тот прибыл позднее. Конечно, парня того ей было

жаль, и всех ребят, что погибали в «горячих точках» жаль, но Юрий – родная кровиночка.

Не успел Юрий отдохнуть от Карабаха, как начались волнения в Молдавии, и тогда, уступив настойчивым просьбам жены и матери, он подал рапорт об увольнении из армии.

- Всё у моих детей хорошо сейчас, это потому, наверное, что надо было сначала много горя пережить. Жизнь прожить – не поле перейти, и чтобы быть хорошему, надо сначала человеку плохое одолеть. В этом я твердо уверена.

Под руку с песней

Валентина Васильевна Боклина о войне знает в основном по рассказам матери, потому что, когда она началась, девочке было от роду чуть более года. Они жили до войны в Южном посёлке Тракторозаводского района в маленьком домишке, который построил глава семьи - Василий Афиногенович Пономарёв. Домишко походил больше на землянку, однако это был собственный угол.

Василий Афиногенович работал в кузнечном цехе Сталинградского тракторного завода, мать Валечки, Мария Иосифовна, тоже работала на том заводе станочницей. И, конечно, ни Пономарёвы, ни их соседи Полянины не думали о том, что война

начнётся, а уж тем более, что война придёт в их дом в самом буквальном смысле. Но она пришла.

Фашисты яростно рвались вглубь страны, но Сталинград считался глубоким тылом, и могли ли сталинградцы думать, что летом сорок второго на подступах к городу начнутся ожесточённые бои? Но так случилось.

С началом войны тракторный завод начал выпускать танки и моторы. В августе сорок второго заводу даже было вручено переходящее Красное Знамя Государственного Комитета обороны. С 23 августа, когда фашисты вышли к Волге у северной окраины Сталинграда в районе посёлков Латошинка, Рынок, Акатовка и оказались в полутора километрах от тракторного завода, город стал не просто фронтовым – передовой линией. Однако тракторозаводцы до самого сентября, хотя и были разрушены бомбардировками основные цеха, выпускали новые танки. Зачастую они были укомплектованы заводскими экипажами. А потом часть территории оказалась захвачена немцами, в том числе и кузнечный цех

Василий Пономарёв и его друг Александр Полянин были квалифицированными рабочими, потому им, как говорили тогда, дали «бронь» от мобилизации в армию и оставили на тракторном заводе. И уж никто не предполагал, что часть рабочих, среди которых окажутся и Василий с Александром, попадёт в фашистский плен. Но это произошло. И Мария Пономарёва с Александрой Поляниной ничего об их судьбе не знали до конца войны.

Однако надо было жить, кормить детей, общая беда ещё больше сдружила женщин. Когда было возможно, Мария с Шурой уходили в тыл менять вещи на продукты, оставив на попечение десятилетнего Бори Полянина его братишку Толика и Валечку. Доходили, бывало, пешком до Котельниково, и в одном из таких походов их вместе с другими такими же, как они, женщинами-добытчицами, арестовали фашисты.

Ужас охватил их - дома остались дети, несмышлёныши ещё: десятилетний мальчишка да двое малышей. Им и так страшно оставаться одним - кроме питания скудного ещё и бомбёжки начались, во время которых дети просто прятались под кроватью, сидели там, замирая от ужаса, захлебываясь от рёва. А вокруг всё грохотало и дрожало от взрывов. И это было просто чудо, что ни одна бомба не упала на подворье Поляниных в отсутствие матерей. Малыши, конечно, ничего не могли рассказать, а Борька рассказывал. Без матерей у них вообще не было шанса выжить, особенно годовалым малышам.

Плача, Мария и Шура, стали просить охранника отпустить их к детям, предлагая за это выкуп - бутылку водки, которую они надеялись выгодно обменять на продукты.

Наконец немец понял:

- Я, я, киндер, о, киндер, - взял водку, а женщин отпустил. - Ком, ком, матка, бистро-бистро.

Им не требовалось повторять, они поспешно скрылись в темноте.

Всю войну Александра Полянина и Мария Пономарёва держались друг друга, понимая, что вместе легче выжить, сопротивлялись, как могли, военной беде. Обе семьи практически стали одним целым, а матери делили каждый добытый кусок на всех детей, уже не разделяя их на своих и чужих. Детей они сохранили, но война всё-таки отомстила за сопротивление - Боря и Толик Полянины после освобождения Сталинграда подорвались на mine. Обычное мальчишеское любопытство – «как устроено?» Братьев и их друзей, чтобы похоронить, потом собирали буквально по клочкам. Тётя Шура от горя постарела буквально за часы. Это всё Вале позднее рассказывала мать.

Однако у Валентины Васильевны сохранились и свои собственные воспоминания.

- Как Сталинград освободили, - рассказывает она, - мама снова стала работать на заводе. А жить мы стали в общежитии в Нижнем посёлке. Комната была огромная, и вся перегородена простынями, как в процедурном кабинете. В каждом закутке жила одна семья, в основном дети и женщины. И вот однажды мама меня покормила, а сама ушла. У меня на груди остались крошки от еды, и вдруг откуда-то прибежала крыса, прыгнула на меня, вцепилась в платье, даже оцарапала когтями. Я испугалась, закричала, а крыса зубами ухватила крошку и убежала. А ещё, помню, мама постоянно вешала мне на

шею мешочек, в котором лежала записка со всеми моими данными, откуда я, кто родители.

Мария Иосифовна никогда не теряла веры, что муж жив и вернётся домой. Василий с Александром Поляниным и в самом деле вернулись после войны. Оказалось, они работали на богатую помещицу, которая забрала их к себе из лагеря. Жёны, конечно, того не знали, но Мария однажды вздумала погадать на Василия с помощью зеркала и вдруг... увидела смутный мужской силуэт, словно человек сено косил. Она пригляделась. И узнала в зеркале своего мужа. Это и дало ей уверенность в том, что он жив. Мистика, но так было.

Мистически странным и одновременно страшным был и другой случай в семье Пономарёвых.

Василия Афиногеновича после возвращения вскоре арестовали, ведь в плену был. А спустя некоторое время у Марии Иосифовны родился сын - красивый, здоровый мальчик. И вот мать, обезумев от новой беды, которая свалилась на семью - шутка ли поднять без кормильца двоих детей, ведь ей от грудничка нельзя отлучаться! - вымолвила однажды слова, которые не могла потом простить себе всю жизнь. Горькие слова о том, что готова потерять дитя, лишь бы муж вернулся домой. В недобрый час она это вымолвила, ибо мальчик умер. А муж на следующий день и впрямь вернулся домой. Но больше детей у Пономарёвых не было, видимо, Бог, выполнив просьбу Марии Иосифовны, всё-таки покарал её за чёрное слово.

В 1947 году Пономарёвы уехали из Сталинграда в Киквидзе. Чтобы купить небольшой домик, продали пальто Василия Афиногеновича и Марии Иосифовны. Позднее выстроили более просторный дом. Там Валя окончила школу и стала работать в швейной мастерской, которая почему-то носила имя маршала Жукова – в то время было принято присваивать различным организациям имена знаменитостей. А уж имя Георгия Константиновича Жукова в то время было у всех на слуху. Валя быстро освоила профессию, потому она и её подружки-швеи считались в селе щеголихами, так как шили сами для себя модную одежду.

Однако в селе не было перспективы для дальнейшей жизни, Валя и решила вернуться в родной город, а родители остались в Киквидзе, однако никогда не забывали ни родного Сталинграда, ни своих друзей.

На тракторном заводе, куда Валя поступила на работу, был хор, которым руководил Григорий Пономаренко, тот самый, песни которого пела вся страна - "Оренбургский пуховый платок", "Что было, то было", "Подари мне платок". Пела их и Валя.

- Я, - улыбаясь, вспоминает Валентина Васильевна, - очень любила петь. В папу пошла. Он казак, и у нас ни одно застолье не проходило без песен. И вот провели к нам в Киквидзе на улицу радио. До нас почему-то не дотянули, а вот у соседей радио было. Я прибежала к ним и слушала все песни подряд, а передачи тогда были такие душевные: радиопостановки шли, стихи читали, передавали

классическую музыку, а уж песни постоянно звучали. Я сижу, бывало, возле радио до самого вечера, подпеваю певцам, пока хозяева не скажут: «Всё, Валя, мы спать ложимся». И как я узнала, что на заводе есть хор, сразу же пошла записываться. Меня приняли. И скажу честно, если бы не пела в хоре Пономаренко - а это известный был хор не только в городе - то не побывала бы, например, в Москве, в Ялте. Мы даже в Румынию ездили с концертом. Григорий Федорович хороший был руководитель, заботился о нас, даже путёвки в санатории и дома отдыха нам добывал. И жаль, что он уехал из Волгограда. Жаль, что рано умер, сколько бы песен ещё было им написано!

Почти треть своей жизни Валентина Васильевна прожила в Волжском, и всё это время шла под руку с песней. Давно умерли родители, давно сама овдовела, дети выросли. Кажется, пора бы тихие зимние вечера просто коротать перед телевизором, а летние - на лавочке возле подъезда. Но вместо этого она идёт на очередную репетицию в ансамбль ассоциации «Дети военного Сталинграда» «Зоренька», который ведёт очень активную творческую деятельность - выступает в школах, в воинских частях, а уж во дворце «Волгоградгидростроя» ни один концерт не обходится без него.

Счастье у каждого свое...

- А я считаю себя счастливой! – твёрдо и уверенно сказала Надежда Ильнична Ганзенко. – Ну как не считать себя счастливой, если мы выжили во время войны, если папа с войны вернулся. Я образование получила, замуж вышла за хорошего человека. Мама с нами долго жила, до 1995 года. Мама у нас очень болела, врач сказал, что её нельзя увозить из больницы – не выдержит. А мы с мужем решили – надо рискнуть и попытаться маму вылечить. Привезли её к нам, мы с сёстрами её выходили. И мама выздоровела, стала самостоятельно ходить, и хоть жила у нас, а все ей родной Тормосин снился. Я её возила ежегодно в Тормосин, и Волжский ей там никогда не снился. А Виктор, мой младший брат, постоянно привозил по её просьбе воду из Тормосина или Котельникова, мама говорила, что вкуснее той воды на свете нет.

Как не будет сниться пожилой женщине село, где она прожила всю свою жизнь? Надежде Ильиничне тоже снится. Тормосин для неё – самое лучшее место на свете, хотя большую часть своей жизни она прожила в Волжском. Однажды в каком-то фильме о войне Сталин произнес: «Наши войска освободили Тормосин...» Чувство гордости переполнило Надежду Ильиничну – надо же, даже в то время был известен её маленький городок миру! Впрочем, городок хоть и маленький, да удаленький – в нём действовали подпольные партизанские группы. Командир одной из них, бывший председатель

сельсовета, был расстрелян фашистами. И память унесла Надежду Ильиничну в те далекие, тяжёлые годы.

В давние-предавние времена говорили: «Из варяг в греки», - а вот предки Надежды Ильиничны поступили наоборот – из греков в варяги. То есть в её дедушке, Дмитрие Никитине, которого она не знает (погиб в гражданскую войну), было весьма много греческой крови. И как он попал на Дон в казачий край – неведомо. Впрочем, в России, что ни век, то обязательно наступают смутные времена, вот, наверное, и предки Дмитрия Никитина в России оказались именно в такие времена. Для него самого такие времена наступили в гражданскую войну. А вот жена его, Марфа Федоровна, следовательно, бабушка Надежды, умерла в 1944 году, пережив немецкую оккупацию. Но после Дмитрия и Марфы остался всё-таки живой след на земле – дети Ефросинья, Евгения, Фёдор, Илья.

Илья женился на Анне Никулиной, до войны успели родиться у них Александра, Владимир, Галина, Надежда. Вот с такой оравой Анне Ильиничне пришлось остаться одной, когда муж ушёл на фронт. Наденьке тогда шёл четвёртый год. Отца она увидела уже на исходе войны. Время было предрождественское, мама готовила к празднику избу – мыла стены, пол. И вдруг Надя увидела, как по двору идёт военный. Она закричала:

- Мам, а к нам какой-то дяденька-солдат пришёл!

Солдат усмехнулся и спросил:

- Ты что, папу не узнала?

А как его узнать спустя пять лет?

- Вообще-то я войну не особенно чётко помню, - сказала Надежда Ильинична, - знаю, что фашисты пришли к нам задолго до Сталинградской битвы летом сорок второго – Тормосин как раз на пути их наступления на Сталинград был. Были они у нас лето, зиму. Дом наш по сельским меркам был немаленький – три комнаты: горница, прихожка и стряпуха, то есть прихожая и кухня. Хороший, в общем, был дом. Поэтому немцы сразу же поселились в нём, а напротив был штаб. Нас выгнали. Вот мы и устроились в летней кухне - наша семья, да бабушка, да ещё бабушкин брат Дмитрий Федорович, он, кстати, был регентом церковного хора. Ещё с нами жила мамина сестра Ксения с дочерью Раисой - их немцы тоже выгнали из хаты. А мы ведь, как все дети, озоровали. И вот старшая сестра рассказывала, как однажды Володя что-то сделал озорное, а один из немцев схватился за пистолет, и если бы не бабушка Марфа, может быть, и убил бы его. А бабушка наша боевая была. Она словно квочка закрыла руками Володю и закричала на немца: «Я вот тебе сейчас дам, ишь чего удумал – дите стрелять! Иди и сиди в хате!» В общем, этот инцидент завершился по-доброму, немец не убил Володю, не стал мстить бабушке. Впрочем, и среди немцев были всякие – хорошие и плохие. Один из хороших, если так можно было назвать оккупанта - мама звала его Кузей, - мог по-русски изъясняться и часто говорил: «Матка, убери киндер, не давай баловаться, пусть дом сидит. Есть злой офицер, он киндер не любит. Ради бога, убери

киндер». Он же всегда шепотом говорил: «Гитлер – капут, Сталин – капут, а русский и немецкий солдат – дом». Мама всегда сердилась: «Это ваш Гитлер – капут, его убить надо, а наш Сталин – хороший, не он войну затеял». Вообще немцы, которые жили в нашей хате, не причиняли нам особенного зла. Намного злее и опаснее были румыны

Тот же Кузя старался как-то подкормить детей. Немцы после обеда отдавали котелки бабушке Марфе, чтобы она их вымыла. Кузя собирал те, где больше остатков, и шёпотом говорил Анне: «Возьми, matka, отдай детям». Дети же всегда соперничали за то, кому отнести вымытый котелок немцам, потому что те за это давали конфетку. Однажды выпала эта работа Наде. Она зашла с котелком в дом. Офицер мылся, денщик поливал ему воду. Надя подала денщику котелок, а офицер махнул рукой, мол, подожди, не уходи. Девочка застыла ни жива ни мёртва от этого: неизвестно ведь, что немец задумал. А тот дал ей конфету и знаками показал, дескать, смотри, у нас ёлка, мол, Рождество, вот тебе конфета к празднику. И это была первая в жизни девочки ёлка, первый новогодний подарок. Это позднее Илья Дмитриевич привозил детям ёлочку, устанавливал деревце посреди горницы, дети украшали ёлочку самодельными бумажными цепями, игрушками, снежинками, а до того Надя ни разу не видела маленькое чудо – наряженную ёлочку.

Тормосин являлся крупным узлом шоссейных и грунтовых дорог, ему сильно досталось и тогда, когда немцы наступали – артиллерия громила отступавшие советские войска, и тогда, когда

наша армия пошла в наступление. Освобождение Тормосина имело важное значение – там у врага была база снабжения, питавшая продовольствием и боеприпасами не только Тормосинскую, но и Нижне-Чирскую группировку, причём немецкие войска, занимавшие Тормосин, нависали над правым флангом 2-й гвардейской армии, создавая угрозу её коммуникациям.

Советская авиация старательно «утюжила» места расположения вражеских войск. Бомбы ложились, куда попало. Может быть, советские лётчики и старались нанести самый малый урон мирному населению, но ведь война – есть война, с воздуха не видно, в каком доме – немцы, а в какой летней кухне – свои. Однажды бомба разорвалась на подворье Никитиных. Дом их содрогнулся, однако уцелел, только стёкла вылетели, потому что немцы предусмотрительно насыпали вокруг дома земляную насыпь. Никитины же в такие минуты прятались в окопах, которыми был изрыт двор и сад. Однажды в щели набилось столько народу, что Надюшка от духоты стада задыхаться. Первой это заметила соседка тётя Дуся, схватила девочку на руки, вынесла на улицу, давай хлестать её по щекам, трясти за плечи, чтобы она пришла в себя. И ведь не подумала о том, что залётным осколком может её убить, а оставшиеся в щели её собственные дети останутся сиротами. Наступление советских войск ощущалось во всём – в нервозности немцев, в их озлобленности, а вдали стояло зарево пожарное, и грохотала в той стороне канонада. Тормосин был освобождён

войсками 2-й Гвардейской армии 31 декабря 1942 года, в самую новогоднюю ночь. Верховный Главнокомандующий вынес гвардейцам благодарность, ибо, превратив Тормосин в крупный опорный пункт, немцы ожесточенно обороняли его. И столько народу полегло в то время – нашего и иноземного, словами не передать. В балочке недалеко от села трупов было до самого верха. Сначала-то советских солдат из общей свалки выбирали да хоронили, а как стали трупы разлагаться, то просто забросали балку землей, и всё. Лёгкое и простое решение. А потом, наверное, летели в разные конца страны извещения о пропавших без вести солдатах, ведь не видели их среди живых, и среди мёртвых не находили.

Впрочем, это мы сейчас ужасаемся, а тогда, может быть, и в самом деле иного решения не было, чтобы охранить село от заразы, ведь и дети из любопытства заглядывали в ту балку, и взрослые мародёры – тоже.

Выросла Надежда, окончила школу. После школы решила поступить в сельскохозяйственный институт, но ей не хватило для зачисления в институт одного балла. И она уехала в Волжский на строительство ГЭС.

Время юности – весёлое, активное время, несмотря на трудности быта. Молодёжь гуляла в парке, занималась спортом. Надежда и со своим суженым познакомилась на волейбольной площадке. И всё как-то случалось, что или ногу подвернёт, или ещё какая-либо оказия произойдёт, однажды даже ногу сломала. И как ни странно в то же

самое время с переломом в больницу поступил и её будущий муж Борис Яковлевич. И парень полушутя-полусерьезно заявил: «Ну все, пора тебе за меня замуж идти, а то никто тебя такую искалеченную и не возьмет...» Так и живут вместе более пяти десятков лет. За это время вырастили двоих сыновей, женили их, и обе молодые семьи какое-то время жили вместе с ними, пока не обретали собственную крышу. И в том, что они успешно преодолели все «разводные» пороги, большая заслуга Надежды Ильиничны, которая всегда становилась на защиту невесток, говоря сыновьям: «Вы – свои, вы всё от меня стерпите, как от матери, а их матери далеко, их тоже кто-то пожалеть должен».

ОТ ВОЛГИ И ОБРАТНО

В Волжском Таисия Васильевна Дунаева живет уже 30 лет, но путь сюда у неё был длинный-длинный и необычный, хотя родилась она на берегах Волги-матушки почти в буквальном смысле.

Когда-то существовало село Черебаево, оттуда родом Мария Ивановна и Василий Степанович Шараповы, родители Таисии Васильевны. Теперь это село где-то на дне Волгоградского моря. Наверное, в то время у Шараповых и свой дом был в селе, а, может быть, и не было, потому что Таисия помнит другой дом - большую нефтеналивную баржу, где они жили всей семьей, потому что отец был шкипером, а мать – старшим матросом. Даже козе нашлось место на барже, чтобы дети были обеспечены молоком. Тут же и дети

рождались и жили – 11 человек, правда, дожив до одного года, на восьмой месяц второго заболели и умирали. Тогда болезнь называлась глотошной, а Таисия Васильевна (по профессии она медик) сейчас почти уверена, что это была скарлатина.

Двое детей умерли, когда Таечке было уже года три, так что она, предпоследняя, стала самой младшей. Кстати, она одна-единственная родилась в «культурных условиях» – в нормальном роддоме в Астрахани. И вот сейчас, спустя десятилетия, она с удивлением думает, как же мать не боялась, что детей во время шторма смоем за борт, потому что волны перехлестывали палубу баржы. Однако что-то всё-таки удерживало Шараповых в этом «доме», где они обычную жизнь совмещали с работой – пришло время, и матросом стала повзрослевшая старшая дочь.

В начале войны баржа шкипера Шарапова снабжала топливом теплоходы на Волге у берегов Сталинграда.

В Сталинградском сражении речники сыграли огромную роль. Военные суда – канонерские лодки и бронекатера принимали в нём непосредственное участие, сдерживали натиск врага с самых первых дней, когда фашистские танки прорвались к Волге у Латошинки севернее тракторного завода. Здесь воевали моряки под командованием капитана третьего ранга А. И. Пискова и инженера-капитана С. П. Лысенко. Они огнём своих канонерок поддерживали сухопутные войска и ополченские отряды, которые вступили в бой с фашистами. Другая группа моряков, командовали которыми капитаны

3-го ранга А. З. Павлов и Д. И. Поспелов, взаимодействовала с 15-й стрелковой дивизией, которая сдерживала вражеское наступление в районе станции Сарепта.

В то время, когда военные моряки защищали город, команды гражданских судов выполняли свою задачу по эвакуации мирного населения, раненых солдат, обеспечению фронта боеприпасами, людскими резервами. Они работали самоотверженно, не зная отдыха, погибая под огнём противника – на одной Центральной переправе погибло около 70 речных судов большой и малой грузоподъемности. Когда стала ощутимой нехватка гражданских судов, был сформирован дивизион из двух канонерских лодок и нескольких бронекатеров. Всем кораблям, естественно, необходимо было горючее, которое и доставлял на своей барже Василий Степанович Шарапов, так что он вправе причислить себя к защитникам Сталинграда.

Город и переправы всё время подвергались вражеской бомбёжке с воздуха. Огонь пожирал квартал за кварталом. Улицы центра города и Ворошиловского района, идущие к Волге, представляли собой огненные коридоры. Сплошь горел берег Волги. Все мостки и причалы были уничтожены.

Едва вражеские самолёты начинали свою дьявольскую карусель, Василий Степанович прижимал баржу к берегу, Мария Ивановна хватала младших детей на руки, прыгала в воду, вслед - старшие дети. Выбирались на берег, падали в первую попавшуюся воронку, и там

Мария Ивановна, как курица-наседка, прикрывала детей руками словно крыльями и молилась об одном: «Господи! Если суждено нам погибнуть, так накрой нас всех одной бомбой, чтобы погибли со мной и все дети, чтобы они потом без меня не мучились!» Бомбёжка заканчивалась, и Шараповы вновь поднимались на борт своего плавучего дома и плыли дальше. Никто не погиб, видимо, дошли до Бога молитвы матери, но однажды баржу накрыло бомбой. И остались Шараповы не только без работы, но и без дома.

Без тёплой одежды, других вещей, жили они по каким-то селам. По карточкам получали почему-то конфеты, которые родители меняли на картошку и муку. Тая не знала, что такое зимние игры, катание на санках и лыжах, потому что она могла выбежать на улицу только босиком, а зимой босиком не очень побегаешь. Постепенно Шараповы добрались до Саратова, там Василию Степановичу дали новую самоходную баржу, и вновь появился, хоть и не надёжный, но свой угол. И день Победы встретили на барже. Однако баржа – не дом с огородом. В деревнях после войны, особенно там, где прошёл немец, было очень голодно, а уж про речных скитальцев Шараповых и говорить нечего. И тогда Василий Иванович решил: «Вербуемся на север, подъёмные получим, хоть проживем немного без голодухи. А там заработки большие». Завербовались они на Дальний Восток в город Охотск, а оттуда предстояло ехать в неведомую Ульбею. И поехали.

- Добирались туда больше месяца, - вспоминает Таисия Васильевна. – Сначала на поезде, потом на пароходе, потом на катерах. По морю мы, наверное, плыли очень долго, если несколько людей умерло, и их трупы скинули за борт на корм касаткам, которые так и кружили вокруг парохода. Еда была – сухари да сгущёнка. Потом бочку с селёдкой случайно разбили, так вот ещё и селёдкой питались. Я и моя сестра заболели корью, да и не мудрено было заболеть – масса народа в замкнутом пространстве. Чихнешь, и то все вокруг начнут чихать, а инфекционные болезни валили сразу всех. Я-то выжила, а вот сестричка умерла, потому что началось осложнение – пневмония. Добрались мы до Охотска, погрузили нас с пристани лебёдками в большие северные плоские лодки – кунгасы и поплыли мы дальше. Приплыли в Ульбею, а местные сразу: «У-у! Вербованные приехали!» Слава о вербованных тогда шла нехорошая, дескать, это в основном воры да разбойники, оторвы всякие. И невдомек было, что вербовались люди не от хорошей жизни, бежали на север от голода, надеясь хорошо заработать и прокормиться. Нас поселили в барак, где были нары в три яруса. Но жить постоянно в таком бараке – жуть, потому некоторые стали строить себе отдельные домики. Папа наш был на все руки мастер, хорошо плотничал, вот и сговорился с другими мужчинами, построили они дом на четыре семьи, стала у нас своя отдельная комната. А в ней – три койки, стол да несколько стульев. Старшие брат и сестра да родители спали на койках, а четверо младших - на полу. И это на севере, где, как

говорится, двенадцать месяцев зима, остальное – лето! Один лишь месяц в году мы ходили без верхней одежды и то в тёплых кофтах. Работали все, кроме Тамары и меня – мы учились в школе.

На севере, а потом на Дальнем Востоке Шараповы жили до конца шестидесятых, пока Василий Степанович не заговорил, что пора уезжать на Волгу, в Сталинград, север уже осточертел. К тому времени Таисия и Тамара учились в Николаевске-на-Амуре в медицинском училище, оставался всего один курс, потому родители решили оставить их там, а сами вернулись на родину.

Младшие дочери не сразу приехали к родителям: Тамара вышла замуж, к Таисии тоже приехал жених – гражданский моряк, красавец-парень. С ним она была знакома давно, потому что ребята из мореходного училища шествовали над медиками, вместе с ними ездили с концертами по рыболовецким колхозам. Таисия пела, а её будущий муж Анатолий играл в ансамбле на трубе.

- Нам интересно было жить. Парни из мореходки – красивые, весёлые, с нами обращались очень бережно. Бывало, вернёмся поздно ночью после концерта, нам, девчонкам, в свое общежитие ехать далеко, вот нас и определяют где-нибудь в их казарме, кашей холодной накормят – у них же было бесплатное питание - компотом напоят. А мы и рады. Поженились мы с Анатолием, а у нас ничего нет, одни чемоданы в руках. Обосновались в Хабаровске, я стала работать в детской больнице. Не успели обжиться, муж говорит – давай уедем. А куда? Конечно, на Волгу, в Волгоград. Уже сыночек родился. А сюда

приехали – мужа сразу же забрали служить в морфлот на четыре года. На Дальнем Востоке он плавал на гражданских судах, было у него что-то вроде брони, а тут сразу же и забрали...

Осталась Таисия одна с сыном.

Сын. О нём – отдельная и грустная история, потому что Сергей ушёл в мир иной по трагической случайности в самом расцвете сил. Хотел стать лётчиком, но Таисия Васильевна отговорила его, однако Сергей всё-таки работал в авиации, жил в Казахстане после окончания военного авиационного училища, дослужился до капитана. Сергей погиб в автокатастрофе. Но оставил после себя живой след – свою дочь Дашеньку, которую безумно любил, в каждом письме, словно предвидя своё и её будущее, писал, как девочка улыбнулась первый раз, как зубик прорезался, как сама сидеть стала. Он так описывал её привычки, что бабушка словно рядом с ней жила, всё знала о внучке, потому и легче было её воспитывать после смерти Сергея.

- Дети – моё самое светлое пятно в жизни, самое лучшее, что было и есть у меня. И внуки, конечно, - так говорит Таисия Васильевна, а вместе с ней, вероятно, могут повторить многие матери, потому что счастлива та женщина, у которой выросли порядочные, уважительные дети, которые – надежда и опора в жизни своих родителей.

Но в те далекие шестидесятые она и думать не думала о трагедии в восьмидесятых. И потому души не чаяла в сыночке, а тот рос необыкновенно ласковым и послушным мальчиком. Работала она

тогда в здравпункте Тракторного завода в самом тяжёлом цехе – сталелитейном. В заводском здравпункте медики на все руки мастера: и уколы ставят, и процедуры делают, и первую помощь как травматологи оказывают. Травмы же были очень тяжёлые – то ковш упадёт и человека буквально в лепёшку раздавит, то кран-балка оборвётся и стрелой насквозь рабочего прошьёт. В конце концов от крови и смертей Таисия Васильевна стала почти впадать в истерику, а этого врачу никак нельзя делать, у врача всегда должны быть холодная, расчётливая голова, чтобы сразу определить диагноз болезни, стальные нервы и умелые руки. А раз нервы стали сдавать, ушла с Тракторного завода.

Устроилась Таисия на работу в здравпункт волжского «Энерготехмаша», там и работала 28 лет, пока не ушла на пенсию.

В ансамбль «Зоренька» Таисия Васильевна Дунаева пришла от отчаяния: навалились заботы, а главное – душила тоска по сыну, как ни занимала себя работой в комитете солдатских матерей, как ни радовала её внучка Дашенька, а тоска всё сжимала душу холодными лапами. Вот и решила пойти во дворец культуры «Волгоградгидростроя», чтобы записаться в какой-либо песенный коллектив, поговорила с работниками дворца, и ей посоветовали обратиться в ансамбль «Зоренька», мол, как раз по возрасту подходите. Познакомили её с руководителем Ниной Тимофеевной Поповой, а та и говорит:

- Что-то мне лицо ваше знакомо.

- А как же не знакомо, если моя дочь к вам в «Гаудеамус» ходила.

- Ой, - вспомнила Нина Тимофеевна, - Леночка Дунаева?

Таисия Васильевна подтвердила ее догадку.

- Мне очень нравится в нашем коллективе, столько положительных эмоций. Мы то заспорим, то начнём новостями обмениваться, обсуждать международные события, а то друг другу рассказываем о рецептах своих личных фирменных блюд. А как начнём общие проблемы обсуждать, что и свои забываются.

Потомки воронежских бунтарей

В каждой семье существует своя легенда, откуда «род пошёл». Рассказала мне такую легенду и Лидия Алексеевна Ерохина.

Давным-давно, еще при Екатерине Великой прибежали в Астраханские края воронежские мужики – не было сил уже терпеть помещичью неволю. Среди помещиков немало было самодуров, вот, например, помещик Зайцевский вздумал взять Наталью, будущую прабабушку Лидии Алексеевны, в кормилицы для щенят своей собаки. А была Наталья самой красивой невестой в своем селе, вышла замуж за пригожего и хорошего характером парня, но для Зайцевского она, видимо, значила меньше собаки, если взял он её в кормилицы не для своих детей, а для щенят. Легко ли было женщине после щенков кормить собственное дитя? Кормила и проливала горячие слёзы от унижения и понимания, что её ребёнок могут

продать как борзого щенка. Причём за щенка запросят вдвое больше. И это про таких, как Наталья, написал русский поэт Николай Некрасов: «Три озера наплакано горючих слёз, засеяно три полосы бедой». Но узнать судьбу своих детей не пришлось Наталье - она рано умерла. Её муж вместе с подросшим сыном сбежал от барина и прибил к ватаге таких же бедолаг, как он.

Среди беглецов-воронежцев были два Ивана, то ли братья, то ли нет, дружно жили они меж собой или нет – это неведомо, но, видимо, хотели оба вести отдельное хозяйство, поэтому и основали два поселения – старший Большую Ивановку, младший, естественно, Малую. Правда, «крепость» и астраханских краев достигла, так что бабушки Лидии Алексеевны тоже была крепостными крестьянками. А один из прадедов, Прокоп, был бондарем, вроде, как и рабочий, но имел и землю. Бабушка рассказывала, что у него было шестеро сыновей. За обеденный стол усаживались двадцать человек, ели все вместе щи из одной большой чаши, а мясо лежало рядом на большом блюде. Помолившись, начинали трапезничать в полном молчании, а когда щи были съедены, дедушка подавал сигнал, и все брались за мясо. Без сигнала никто не осмеливался есть, потому что суров был Прокоп.

Поле у них было большое, обрабатывалось сообща. Но собственность в любое время – собственность, то есть «моё», которое позволяет гордиться результатами своего труда. И хоть дружная была семья у бондаря Прокопа, а всё-таки возникали обиды, потому что

каждому из сыновей казалось, что он работает больше других, а имеет столько же, как и другие. Однажды после ссоры сын Фёдор упал в ноги отцу и сказал: «Батя! Дели нас!» - «Знать, на то воля Божия», - решил Прокоп и купил каждому сыну по дому. Лишь Максим, дед Лидии Алексеевны, остался жить в доме Прокопа.

Жена Максима, Екатерина была небольшого росточка, миниатюрная и очень милостивая женщина, видимо, ей досталась часть красоты от матери её - Натальи. У неё родилось тринадцать детей. Некоторые из них умерли от «глотошной», так звали в деревнях скарлатину; один мальчик утонул, играя, в бочке с водой; девочка шести месяцев от роду перевернулась личиком вниз и задохнулась, потому что осталась без присмотра, так как мать жала просо – велел свёкор Прокоп. В общем, осталось в живых пятеро, и Алексей в том числе – будущий отец Лидочки, Зиночки и Евгения.

Две Ивановки – словно два крыла большого села почти в пятьсот дворов, ставшего впоследствии волостным. Село делилось на улицы – Верхнюю, Нижнюю, Заречную, Большую. Село числилось то за Астраханской губернией, то за Царицынской. Ныне Ивановка находится в подчинении города Дубовка Волгоградской области.

Накануне Октябрьской революции Максим Прокопьевич Бунеев служил волостным писарем. Кроме того, он был регентом в местной церкви, потому что имел красивый баритон. Умный, состоятельный крестьянин, он принял революцию сразу и бесповоротно, и детям свои внушил почтение к происшедшим в стране изменениям,

воспитал их патриотами. Вот такова краткая история-легенда рода Бунеевых, старшие в нем сейчас Зинаида, Лидия и Евгений. Они живут в Волжском, лишь младшая, послевоенная Людмила – в Сочи.

Алексей Бунеев сочетался браком с Клавдией Дмитриевой в 1928 году. Он, как и все Максимовичи, тянулся к знаниям, отец тому не препятствовал, понимая, что в новой России мало иметь только церковно-приходское образование, и потому, когда Алексей решил поступить в Сталинград на курсы бухгалтеров, Максим Прокопьевич не возражал.

После окончания курсов Алексея послали работать бухгалтером в совхоз «Баррикады», но Алексей мечтал вместе с семьей поселиться в Сталинграде, построить там большой красивый дом. Однако война поломала все планы Алексея Бунеева. Но Алексей думал, что война вскоре закончится, он вернётся назад и всё наладится. «Наша страна – большая и сильная, Германии нас не одолеть, мы быстро завершим войну», - сказал он своим детям. Так многие думали, но прошло 1418 долгих, тяжёлых, страшных дней, пока война завершилась победой советского народа.

Мать проводила Алексея на фронт своим благословением, положив ему в карман маленький мешочек, где лежал кусочек его родовой «рубашки», в которой был новорожденный Алексей. Талисман хранил его долго, пока кто-то не украл у него тот мешочек, думая, наверное, что там лежат деньги. Но рождённый в «рубашке» не зря считается счастливым человеком, потому счастье не совсем

отвернулось от Алексея после пропажи материнского талисмана: от взрыва рядом с Алексеем упало дерево, едва не придавив его, однако и от смерти спасло. Алексея буквально изрешетили 13 осколков, и всё же он выжил. И жил до 76 лет, у него даже зубы никогда не болели, а давление было как у молодого.

Не вернулись с войны его братья: Василий пал под Воронежем, а Пётр – на Мамаевом кургане, причём Петр мог и не идти на фронт: у него была покалечена правая рука. Он работал учителем в Малой Ивановке. А тут объявили набор добровольцев на фронт, и он пошёл в военкомат. Ему сказали, дескать, куда же ты, калека, как воевать будешь, но Пётр был левша и ответил, что может воевать и с покалеченной правой рукой. Поступить иначе молодой человек не мог, потому что был комсомольцем и считал, что должен бороться с врагом за свободу своей родины. С тех пор его никто из семьи не видел. На все послевоенные запросы был один ответ: «Пропал без вести в период боев в Сталинграде».

Клавдия, пережив первую, самую страшную бомбёжку (перед войной совхоз отправил Алексея в Сталинград в двухгодичную школу бухгалтеров, семья жила с ним), твёрдо решила: «Надо спасать детей и уезжать отсюда». К тому времени немцами был оккупирован уже район нынешнего Красноармейска, где на Дар-горе жили её родственники, и Клавдия решила переехать в Красную Слободу. Но счастливая судьба, не иначе, помогла избежать смерти: она не попала на баржу, на которой хотела эвакуироваться, а её во время переправы

разбомбили. Клавдия поняла, что «немец прёт» вовсю, может случиться так, что придёт и в Сталинград, и решила любыми путями добраться до Ивановки – там родня мужа и её мать Ефимья, там будет легче пережить даже оккупацию, хотя сердце отказывалось верить в то, что такое может случиться. Они ехали всю ночь на грузовой машине, в чём успели во время дневной бомбёжки убежать из дома, сидя на ящиках с боеприпасами – семейство взялся подвезти сердобольный пожилой водитель. А вдали полыхал Сталинград. Страшное пожарное зарево было ночами видно даже в Ивановке, хотя она удалена от Сталинграда примерно на 80 километров.

Но и в Ивановке тоже было страшно, потому что в районе Дубовки было большое скопление наших войск, поэтому фашисты подвергали бомбардировкам и Дубовку, и другие села. Во время налётов жители Ивановки часто прятались в домах под кроватями, думая, что если обрушится крыша, то грядущки кроватей хоть немного защитят. Копали жители села и щели во дворах. Но ребят было трудно удержать в укрытии, любопытство выгоняло их на улицу, и мальчишки, наблюдая воздушный бой, шумно комментировали: «Во, наш поддал фрицу! Во, смотрите, немец горит!»

А потом через Ивановку погнали пленных, часть их была оставлена в селе. Все они были тихими, самоуверенность слетела с них окончательно. Много было обмороженных, потому что их летние кепи и шинели не были рассчитаны на зимнее время. Часть из них

оставили в Ивановке для восстановительных работ, и некоторые из плененных немецких солдат были довольны, что пусть через плен, однако ушли от войны, есть гарантия выжить и вернуться домой. Один из таких показал Клавдии Дмитриевне фото троих детей и попытался объяснить, что на фото его «киндер», они такого же возраста, как и её дети, и что «Гитлер – капут». Что она могла сказать? Что никто его сюда не звал, что по вине фашистов воюет её муж, а они терпят страшные лишения? Она и сказала. Немец, понурившись, отошёл.

В обмен на еду (немцы тоже наголодались в окружении) кто-то из плененных немцев подарил Клавдии Дмитриевне ботинки тридцать девятого размера на одну ногу. В тех ботинках Женя и ходил в школу, в которой дети с первого до четвертого класса были объединены в одну группу.

Бунеевы жили в доме напротив их бывшего родового дома, который дедушка продал. И Лиде было непонятно, почему в нём живут чужие люди, а они ютятся на квартире. Жилось, как и всем, голодно. Ели лебеду, траву «калачики», жёлуди. Находились они под приглядом бабушки Екатерины Васильевны, а мать по наряду колхоза работала то в швейной мастерской, то на аэродроме. Бабушка, бывало, разделит мучной паек на неделю отдельными кучками в ларе, а Женя говорит Лиде:

- Давай возьмём понемногу от каждой кучки муки да съедим.
- Ой, - пугалась Лида, - бабушка узнает, попадёт нам.

- Ничего, - утешал её брат, - я приглашу все кучки точно так же, как и бабушка.

И не знали они, что бабушка, сидя у ларя, плакала от того, что не может как следует накормить детей, что вынуждены те украдкой брать съестное. Плакала да ругала на все лады Гитлера. Алексей между тем уже перешёл границу Советского Союза и писал из Литвы: «Фашистов догоним до их логова». А ещё он присылал стихи, такие, как «Сын артиллериста». Старшие дети читали их на школьных утренниках, вместе с ними стихи запоминала и Лида.

Однако до логова фашистов Алексею не довелось дойти – их часть оставили в Литве, и туда в 1946 году приехала Клавдия вместе со всеми детьми. Но Прибалтика – есть Прибалтика, даже тогда, когда наши войска освободили литовцев из-под ига фашистов, к русским относились они весьма настороженно, порой – враждебно. Советских военнослужащих убивали, и однажды в школе, где учились дети Бунеевых, были поставлены пять гробов с телами офицеров. И хотя к Алексею Бунееву и его жене соседи-литовцы относились вполне доброжелательно, Клавдия настояла на увольнении Алексея из армии, что он и сделал под предлогом того, что в Сталинграде осталась его престарелая мать, за которой нужен уход.

В Сталинграде Бунеевы жили у родственников в небольшой клетушечке - Бунеевский род был всегда дружен, и все помогали друг другу в беде. Сначала Алексей Максимович работал ревизором в райпотребсоюзе, потом его перевели председателем Ольховского

райпотребсоюза – партия сказала, что он там нужнее, а коммунист Бунеев привык выполнять партийные решения.

Жили опять на квартире - Алексей Максимович отказался от большого дома, мол, есть более нуждающиеся, чем его семья. А между тем дети подросли. Зинаида поступила в пединститут, Евгений учился в Саратове, нужно было думать и о дальнейшем образовании Лиды. И Алексей Максимович попросил, чтобы его перевели в Сталинград.

Сталинград в то время всё ещё восстанавливался, залечивал раны войны, и тут Алексею Максимовичу предложили работу в Волжском – там хорошая перспектива квартиру получить, и работа интересная будет. Так город Волжский и стал для его детей городом их судьбы, хотя Зинаида после окончания института работала какое-то время в селе, у Евгения тоже были хорошие перспективы. Но младшие Бунеевы добились почёта и уважения именно в Волжском. Евгений был первым секретарем горкома комсомола, перейдя в управление «Шинремстрой», дослужился до должности генерального директора. Зинаида работала в школе, а Лидия – в проектно-институте. И собственное жильё Бунеевы тоже получили в Волжском.

- В то время был построен в Волжском небольшой поселок, его звали Каменным, - делится воспоминаниями Лидия Алексеевна. - Папе дали комнату в первом квартале в одиннадцатом доме, потом в седьмом доме, я потом жила со своей семьёй в 21-ом доме. Можно сказать, вся жизнь прошла в первом квартале. После школы поступала

в институт, но не хватило одного балла, и меня с институтской экзаменационной ведомостью приняли в Волжский индустриальный техникум на отделение «Промышленно-гражданское строительство». Ой, нет, сперва начала работать оператором в отделе испытаний и исследования нового оборудования «Сталинградгидростроя». Работать предстояло с рентген-аппаратурой. Меня направили на учёбу, а там один добрый человек, иначе его и не назвать, сказал мне, что это очень вредная работа, и я отказалась от неё. Папа тогда сказал, что если я не хочу работать в лаборатории, тогда, дескать, иди в рабочие. Разгружала вагоны, потом меня табельщицей поставили, вот тогда-то я и поступила на вечерний факультет техникума.

В городе было принято решение о строительстве абразивного завода, потому группу студентов-проектировщиков направили в Москву на стажировку, и меня в том числе. В Москве я неожиданно серьёзно заболела, не знаю, выжила ли, если бы не соседи по комнате да директор института, где я стажировалась. Соседки сообщили о моей болезни ему, а тот добился, чтобы меня срочно доставили в реанимацию. Так что свет – не без добрых людей, и хороших людей всё равно больше, чем плохих, просто сделает человек доброе дело и молчит о том, а зло всегда наружу выходит.

Вернулась я из Москвы, а научно-исследовательский институт абразивов и шлифования, где нам предстояло работать, ещё не был сформирован, завод абразивный не построен. Стажерам сказали, мол, пока хоть бумаги перебирайте. Нам же хотелось что-то

проектировать, чертить! Вот мы с подружкой и пошли в филиал Ленинградского проектного института № 1 - он был на первом этаже нашего техникума – и там случайно познакомились с его директором. Он узнал, что мы архитекторы, недавно прошли стажировку в Москве, и принял нас на работу, потому что нужны были архитекторы. Вот я всю жизнь и работала в том проектном институте. Кстати, мы учились в техникуме вместе с Надежной Ильиничной Ганзенко, правда она тогда была ещё Наденька Никитина.

Лидия Алексеевна Ерохина всегда, как говорили во времена ушедшего в небытие развитого социализма, имела очень активную жизненную позицию, потому много времени уделяла сначала комсомольской, а потом профсоюзной работе. Но всегда у нее была ещё одна, и очень пламенная, страсть – песня. Впрочем, в роду Бунеевых все пели, а Пётр умудрялся играть на балалайке левой рукой.

- Как рассказывали моя бабушка, я уже в детстве очень любила петь. Когда мне шёл третий год, я с удовольствием пела «Дайте в руки мне гармонь», в школьном хоре была запевалой песен «Вижу чудное мгновенье» и «Вечерний звон». А в девятнадцать лет стала петь в квартете дворца культуры «Сталинградгидростроя». Помню, у нас были белые длинные платья, мы часто ездили с концертами в близлежащие сёла. Я пела «Вижу в сумерках я в платье белом тебя». Как-то мы вспоминали вместе с Виктором Андреевичем Петриченко (это солист ансамбля «Гаудеамус», к сожалению он уже

умер) про самый-самый первый наш концерт во время открытия дворца. Надо же! Почти пятьдесят лет прошло! Правда, я в то время считала своё песенное увлечение случайным, но оказалось, что с песней связана вся жизнь, потому, когда Зинаида Алексеевна Лиходеева, моя сестра, организовала в обществе «Дети военного Сталинграда» хор «Зоренька», я стала петь в нём. Мы задумали получить звание «Народный коллектив» и попросили известного в городе хормейстера, Нину Тимофеевну Попову, помочь нам. Она такая умница, столько времени с нами работала, конечно, без нее мы бы не получили звание «Народный коллектив». Естественно, что после присуждения нашему коллективу звания «Народный», мы попросили Нину Тимофеевну продолжать заниматься с нами. Нам очень повезло, что нашим хором сейчас руководит именно она.

В жизни ансамбля «Зоренька» было немало различных фестивалей и конкурсов, но одно событие особенно запомнилось его участницам – поездка в Нижний Новгород. Лидия Алексеевна об этом рассказывает с восторгом:

- Там был фестиваль, посвященный творчеству Бориса Мокроусова. О! Это – незабываемая поездка! Нас так хорошо встретили, организовали несколько экскурсий, мы побывали на знаменитой Стрелке – слиянии Оки и Волги. «На Волге широкой, на Стрелке далекой», – это как раз об этом песня. Мы выступали и на гала-концерте, и в центре социальной защиты перед ветеранами, среди которых были защитники Сталинграда. И когда мы запели

песню «Дети Сталинграда», некоторые из них заплакали. Да что они! Наша Валентина Васильевна Васильева пела со слезами на глазах, да и у меня ком в горле встал.

Люди старшего поколения в большинстве своем не могут жить, замкнувшись в небольшом семейном мирке, потому обязательно находят себе какое-либо дело. А уж про участниц ансамбля «Зоренька» и говорить нечего. Они и детей своих воспитали по подобию своему. Почти все они поющие, играющие на чем-либо. Многие имеют музыкальное образование и посвятили себя музыке. Вот и дочь Лидии Алексеевны, Татьяна, окончила Волгоградское училище искусств и музыкальный факультет Московского Государственного пединститута им. Ленина. У неё прекрасные вокальные данные – колоратурное сопрано, и в свое время она пела в ансамбле «Гаудеамус», как дочери Валентины Викторовны Гуриной, Таисии Васильевны Дунаевой и Полины Михайловны Пановой. И это они познакомили своих родителей с Ниной Тимофеевной Поповой, которая почти тридцать лет руководит «Гаудеамусом», они проложили дорогу к ней своим поющим матерям. И получилось, что не дети пошли по следам родителей, а наоборот.

ПОСЛЕДНИЕ ОЧЕВИДЦЫ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

Мамаев курган. Его называют главной высотой России потому, что именно на этом кургане, в городе Сталинграде, в далеких сороковых годах ушедшего столетия решалась судьба нашей страны в

битве с фашистами. Но было и время (в конце восьмидесятых), когда мемориал на Мамаевом кургане некоторые «перестройщики» называли бессмысленным, а скульптуру Родины-Матери - каменной бабой. Но для тех, кто сражался за Сталинград, кто жил в нём во время битвы, Мамаев курган навсегда останется не только главной высотой России, но и местом, куда можно прийти и поклониться праху своих погибших товарищей или отцов. И не беда, что не знают они, где находится этот прах, зато на знаменах пантеона Боевой славы навечно остались их имена. И на одном из этих знамён имя Николая Ивановича Телешева, отца Валентины Николаевны Исаевой. Это всё, что осталось от него. Да еще воспоминания о войне. Страшные воспоминания.

- Помню (мне тогда шёл пятый год), когда началась война, мы жили в доме № 519 в Нижнем поселке. Папа работал на тракторном заводе в формовочном цехе. И мама вместе с ним. Она безграмотная была, да к тому же они с папой сбежали из хутора Вертячего, где прежде жили, потому что родители мамы были относительно богатые люди, а папа из бедных. Они любили друг друга, хотели быть вместе, потому тайно уехали в Сталинград. Так что маме некуда было деваться, где нашла работу, там и работала. А приходилось таскать тяжёлые металлические болванки, которые отливались в цехе. Когда гитлеровцы прорвались к Сталинграду, папа ушёл в ополчение. Ополченский отряд переправили в Краснослободск для переформировки в полк действующей армии. Мама продолжала

работать на заводе, помогала готовить к эвакуации оборудование – его грузили на полуторки и отправляли на станцию. Но эвакуироваться вместе со мной она не смогла.

Папа как ушёл на фронт, так мы его больше и не видели. Лишь перед самым Сталинградским сражением, когда уже начались сплошные бомбёжки, к сестре папы в Краснослободск пришёл раненый боец, земляк из Вертячего, и сказал, что весь их полк полёт под бомбёжкой, так и не побывав в бою. И мы не знали о папе ничего даже много лет спустя после войны. Мама боялась идти в военкомат, поскольку он официально числился в без вести пропавших. Она говорила: «Вдруг нас во враги народа запишут, а мы и так знаем, что он погиб». Мама, узнав, что эшелон папы разбомбили, съездила в Краснослободск – туда приехало много людей, и все искали хоть что-то, напоминавшее об ушедших на фронт ополченцах. И мама нашла папино кресало, оно такое приметное было. А каким образом фамилия папы появилась на знамени в Зале Боевой славы в Сталинграде на Мамаевом кургане, я не знаю. Наверное, нашли его медальон, когда раскапывали братские могилы - их возле Краснослободска очень много. Перед самым Краснослободском на одной их таких могил - очень красивый памятник, и мы решили в своей семье, что там и папины останки. И всегда, когда бываем и в пантеоне Мамаева кургана, подходим к знамени, где фамилия папы и молимся за него.

С 23 по 29 августа налёты вражеской авиации совершались непрерывно. Немцы бомбили жилые кварталы, заводы, железную дорогу, Волгу, волжские переправы, а Красная Слобода была конечным пунктом Центральной переправы. В результате бомбёжек были выведены из строя городской водопровод, вся энергетическая сеть, телефонная станция, разбиты вокзалы и пристани, повреждены железнодорожные пути. Улицы города были похожи на горящие коридоры. Сильный ветер, дувший с запада на восток, быстро распространял огонь. В рабочем посёлке Тракторного завода были разрушены пять жилых домов, сгорело девятнадцать зданий, в том числе восемь жилых.

Дом, где жили Телешевы, превратился после бомбёжек в груды кирпичных обломков, лишь подвал уцелел. Женщины расчистили и приспособили его под жильё. Даже печурку железную где-то раздобыли, чтобы пищу готовить. Но пришли фашисты, выгнали всех оттуда, ведь им самим укрытия были нужны. И куда не ткнутся женщины с детьми - всюду немцы кричат: "Вэк! Прочь!" А еще кричали: "Шайзе менж!" – что-то вроде "грязные люди". Ребятишки потом дразнили так друг друга.

Дети часто плакали и замолкали, лишь забравшись под подола матерей - там они почему-то чувствовали себя в полной безопасности. А глаза... Эти безумные от страха глаза Валентина Николаевна не забудет никогда, потому что именно такие глянули на неё из зеркала

несколько месяцев спустя в хуторе Вертячем в доме дедушки со стороны матери.

Оставшиеся без крова жители перебрались в оборонные сооружения, похожие на щели, где можно было притулиться друг к другу лишь стоя. Их район не раз переходил из рук в руки, и матери, бывало, зарабатывали пропитание своим детям тем, что обстирывали солдат: то, немецких - лишь бы детей не трогали, а потом и своих - за кусок хлеба. Конечно, солдатам нашим было тяжело, особенно в окружении, но солдаты во все времена - государевы люди, о них заботится власть. День-два, к примеру, поголодают, зато потом к ним всё равно проберутся связные с провиантом, с боеприпасами. А жители были совершенно беззащитны. Особенно дети.

- У нас тот день был праздником, когда что-то удавалось в рот положить, особенно, если удавалось достать соскрёбыши каши из солдатской кухни. Ох, какая была вкусная гороховая каша! Лучше её ничего на свете не ела! Причем, всё съестное, что удавалось добыть нам или нашим мамам, делилось поровну. Правда, мамы часто нам отдавали свою долю, а сами начали пухнуть с голоду. Крысы нас одолевали. Им же тоже есть нечего было, так они нападали на детей во сне, одного из малышей в нашем подвале загрызли до смерти. Очень мы страдали от отсутствия воды. К Волге не могли подобраться - там было всё вырублено да сожжено и простреливалось. Ночами ребята ползали туда по водопроводным трубам. Жутко - полная темнота, ползешь и не знаешь, выберешься

ли, ведь в любой момент мог упасть снаряд и завалить трубу. Но потом мы нашли воду в овраге, который отделял наш Нижний посёлок от Спартановки. Там небольшой родничок бил из земли. И мы туда пробирались с различными посудинами. Однажды мы с мамой пошли за водой. За нами увязался мальчик такого же возраста, как я. А мать его осталась дома - так мы свои щели звали. Спустились в овраг, а там трупов - тьма, и смрад стоит - дышать нечем. Мы поскорее набрали воды - у нас с тем мальчишкой были плоские котелки, немецкие, наверное, а у мамы солдатская каска. Мальчишка побежал вперёд, чтобы поскорее выбраться из овражной вони, и вдруг ударил снаряд. Мальчишку того, царствие ему небесное, разорвало в кровавые брызги, и на всей это красноте - прямо-таки хрустальный проблеск - это вылилась вода. И я в первый момент пожалела не этого мальчишку, ведь ужас какой - на наших глазах от ребёнка даже следа не осталось - я подумала о воде, настолько трудно она нам доставалась - часто ценой жизни. И я закричала: «Ой, вода пролилась!»

Там, в Сталинграде, Вале навсегда повредили ногу. Она провалилась вниз головой в какую-то яму и задохнулась бы, если бы мама, Александра Александровна, не вытянула девочку оттуда за ножку, вывихнув её из тазобедренного сустава. Ножку кое-как вправили, но иной помощи девочка сразу не получила, и со временем сустав потерял подвижность, которую операционным путем вернули много лет спустя. Но после нескольких месяцев, проведенных в гипсе,

«застоялся» коленный сустав, и с тех пор Валентина Николаевна не может нагибаться и обуваться без посторонней помощи – перед концертами ей в том помогали подруги-«зореньки». Помогали, потому что Валентина Николаевна уехала из Волжского.

Но вернемся в сороковые-грозные.

Едва фашистов выбили из Нижнего посёлка, Александра Александровна уехала с Валею к своим родителям в хутор Вертячий, который был уже занят фашистами. И маленькая Валечка вновь оказалась в оккупации, но на сей раз вместе с дедушкой и бабушкой.

Дом Мозжалиных, родителей Александры Александровны, был двухэтажный, построен родителями бабушки как приданое к свадьбе. Большой и красивый дом, с верандой, парадным крыльцом, но в доме - скамейки да стол. Дом приглянулся немецкому командованию, и в нём разместили штаб. Может, это и спасло семью Мозжалиных, хотя дед, Александр Васильевич, партизанивший в период первого оккупационного периода, был пойман однажды, отправлен в концлагерь, который располагался неподалеку от Вертячего в тополиной роще. В прогалине между лесистыми островками была натянута колючая проволока, там находились военнопленные и партизаны почти под открытым небом, жили как кроты в норах. Александр Васильевич как-то умудрился сделать подкоп под ограждение и бежал.

Фашисты не кормили пленных, и они умирали десятками. За три месяца существования лагеря было уничтожено 150 человек. Трупы

выбрасывали за колючую проволоку, а местных жителей заставляли увозить их на старой тощей кляче. Немцы ту лошадь потом закололи и съели, потому что наши, окружив немецкую группировку в районе Дона, не давали сбрасывать с воздуха продукты.

Одна из тётушек Вали, Таисия, хорошо владела немецким языком и служила при штабе переводчицей. И хотя ей немцы доверяли, случалось, и били, заподозрив, что она делает неправильный перевод, если вдруг человек засмеется - а вдруг он смеется над немцем?

Кстати, все тётушки Валентины Николаевны - учителя. Две - Таисия и Мария - преподавательницы русского языка и литературы, третья, Валентина - биологии. Но, видимо, невольная служба переводчицей у немцев ожесточила сердце Таисии, к тому же она была бездетной, и в гневе наказывала Валу за провинность тем, что ставила её на колени в углу на горох. А вообще Валя была девочкой ласковой, послушной и очень красивой. Впрочем, военные дети все были такими - тихими, перепуганными, очень послушными. Если взрослый скажет: «Нельзя!» - то это принималось беспрекословно.

- Тётушки рассказывали, что я была дитя неопикуемой красоты - маленькая, хрупкая, а если ещё волосы бантом подвяжут, то и немцы улыбались мне. Надо сказать, что наша семья жила в своеобразном тихом мирке, наверное, потому, что в нашем доме был штаб. Сначала мы немцев боялись, а потом привыкли. Жили сначала в кухне, потом нас и оттуда выгнали. Тогда дедушка вырыл землянку в склоне

небольшой горки на задах нашего огорода, а чтобы земля не осыпалась, он укрепил стенки плетнями. Питались, чем придётся, хлеба и в помине не было. Но зато много было рыбы, потому что хуторяне, несмотря на запрет немцев подходить к воде, всё-таки умудрялись ловить рыбу. Те немцы, которых я видела в Вертячем, были уже совсем другие немцы, непохожие на сталинградских. Эти порой потихоньку шептали: «Гитлер капут!» Все они были молодые-молодые, очень боялись холода. Нас не обижали, даже угощали детей шоколадом из

присланных им посылок, и всё-таки это были немцы, хоть на время, но – захватчики-победители, потому заставляли ухаживать за собой, например, если немец шёл в туалет, то мы были обязаны рядом разжигать костёр, чтобы ему было теплее. И потому все деревья кругом были порублены, доски, которыми был обшит дедушкин дом, сожжены.

Один из наших «постояльцев»-солдат очень ко мне привязался. Брал меня на руки, целовал, давал шоколад, пытался объяснить, что у него «киндер» такого же возраста в Германии. Однажды он маме дал золотое тоненькое колечко, мама не брала, но он показал на меня, мол, это мой подарок «киндер». То колечко в голодные послевоенные годы помогло нам: мама сменяла его на продукты. Поменяла и мою кроличью шубку, которую покупал ещё папа. Она была зарыта где-то вместе с другими ценными вещами, мама их откопала и потом поехала в северные районы Сталинградской области - там не было

оккупации, потому люди жили сытнее. Мама привозила оттуда просо, свёклу. Да, после Победы нам жилось не легче. Мы съели всю лебеду до самой Песковатки, а те жители, наверное, дальше своего села. Сушили яблоки-кислицы, потом в ступке от снарядной гильзы толкли до муки, и эту яблочную муку перемешивали с семенами лебеды и молотыми желудями. Так что все мы были очень изящные, лёгкие. Вот только бабушка вдруг стала опухать. Оказалось, она отрывала от себя да нам, детям, кусочки подкладывала, а мы-то не знали о том, ели охотно. Помню, уже в сорок пятом году к нам приехал учитель математику преподавать. Звали его Голов Пётр Дмитриевич, он участник боёв под Халкин-Голом. Моя тётя Тая, которая в той же школе преподавала русский язык и литературу, вышла за него замуж. И вот сидим за свадебным столом, а дедушка колет маленькими щипчиками кусковой сахар - голубой-голубой, плотный такой - на маленькие кусочки и всем на тарелку кладёт по кусочку. Положил и мне, а сам шепчет, мол, бери скорее в рот. Я, конечно, этот кусочек тут же проглотила, а дедушка положил передо мной другой осколочек сахара - это был уже его сахарный пай. Но разве я тогда думала, что взрослые растили нас ценой своего здоровья? Правда, нам в колхозе выделили тёлочку взамен коровы, которую реквизировали ещё во время войны снабженцы нашей армии, так что хоть молоко потом появилось. Дедушка воспитывал меня до десяти лет, а мама жила в Рогачике, недалеко от Городища. Дедушка купил там дом саманный, который потом обшил снятыми с разбитых

машин деревянными дверцами. Мы эти дверцы покрасили в немислимый серо-буро-малиновый цвет. Там и стала я жить с мамой, когда мне исполнилось десять лет, потому что дедушка сказал - негоже ребёнку жить вдали от матери. И я очень благодарна дедушке, что он помог маме вырастить меня. Воспитывал дедушка меня в строгости, по казачьим обычаям. Чуть подросла, стала мыть пол в доме - нижний этаж. А полы – не крашенные, мы терли половицы кирпичом или какой-нибудь железкой. Ступеньки крыльца доскребли до глубокой выемки.

А сколько полегло при форсировании Дона советскими войсками тех и других солдат! Уму непостижимо! Не менее кровопролитные там были бои, когда немцы наступали на Сталинград, потому что этот город был важен для них не только потому, что носил имя Сталина, но главным образом потому, что являлся важным стратегическим узлом, от которого ниточки прямым ходом шли вглубь огромной страны. Правда, немецкое командование, и Гитлер в том числе, считали, что советские войска уже выдохлись, поскольку не смогли удержать Воронеж, Ростов-на-Дону, не считая огромной территории на Украине, в Прибалтике и Белоруссии.

Фашисты были так уверены в своей победе, что даже в декабре сорок второго, когда кольцо вокруг 6-й армии Паулюса было сжато до предела, одна из газет писала, естественно, с благословения главного идеолога Германии доктора Геббельса: «Пройдут дни, пройдут недели. Сталинград падёт, дом за домом, улица за улицей. И

под его обломками будет похоронена большая часть советской военной мощи. А над событиями этой битвы на берегах Волги будет возвышаться он, немецкий солдат!»

Но гитлеровцы просчитались в том, что советское командование якобы недооценивало стратегическое значение этого города на Волге, а главное, они не учли то, что в советских солдатах «градус злости» достиг высочайшей точки – они просто уже не хотели отступать, тому противилась их горделивая душа, им надоело быть битыми. Приказ командира «ни шагу назад» для военного человека имеет огромную силу, но, вероятно, в те дни на подступах к Сталинграду каждый солдат сам себе отдал такой приказ, потому что каждый из них отчётливо понял свою важную роль в защите Отечества.

Михаил Никитович Скорик, защитник Сталинграда, рассказывал, что во время летних боев в 1942 году под Вертячим от их батальона осталось человек тридцать. Их батальон в штабе полка уже считали погибшим и даже заготовили похоронки. «Нам не страшно было умереть в те дни, - сказал воин-сталинградец, - это не бравада, это было в самом деле так, потому что мы понимали: или мы выдержим, победим, или России не быть». И они вышли к своим, как и остатки другого батальона, бойцы которого придумали прорываться из окружения на грузовике с включенными фарами, имея всего один исправный пулемёт и немного патронов к нему. Может быть, именно эта ночная нахальная атака и навела на мысль будущего командира

танковой армии Рыбалко штурмовать Берлин ночью, ослепив врагов прожекторами и оглушив их воем сирен.

Фашисты превратили хутор Вертячий в крупный узел сопротивления, откуда они прикрывали отход своих частей, разбитых в излучине Дона. Там у них была сосредоточена основная масса огневых средств. Сильнее всего Вертячий был укреплен с севера, поскольку фашисты ждали удара именно с этой стороны и создали мощную систему инженерной обороны. Переправы фашисты взорвали. Однако расположение советских войск, занимавших более выгодный высокий берег, господствовало над левобережьем, и 28 ноября они форсировали Дон. Фашисты ошметинились огнём.

Потери с той и другой стороны были велики. Курган неподалеку от хутора Вертячего звался, как и в Севастополе, Малаховым. После наступления советских войск он был покрыт трупами снизу доверху, потому что немцы, как в своё время и наши, яростно бились за Придонье. Старших офицеров немцы, правда, успели эвакуировать самолётами, рядовые, если не были убиты, то попали в плен. Одного из офицеров хуторяне поймали, стали решать, что с ним делать. Кто-то предложил - убить! И тогда Валечка заявила: «Я его убью!» - вот какова была ненависть к фашистам даже у детей.

Когда наши войска пошли вперёд от Вертячего, жителей опять мобилизовали на уборку трупов. Александра вместе с Таисией работала в той похоронной команде. Погибших, независимо от того, в какой они были форме - немецкой или советской - погребли в общих

могилах. Те могилы в послевоенные годы по просьбе германского правительства и по распоряжению своих властей стали раскапывать, чтобы определить личности погибших - своих солдат и чужих. Находили медальоны смерти, и летели извещения о героической гибели в семье погибших уже спустя годы после Победы.

В 1955 году Валя окончила десятилетку и решила поступить в пединститут, но её постигла неудача: по физике она сдала экзамен на три. И если бы тогда было разрешено документы с одного факультета после сдачи экзаменов передавать на другой, то она стала бы преподавателем географии - туда бы хватило баллов. Но так было нельзя. Так что стала учиться в профтехучилище в Калаче на чѐртежника-разметчика металлоконструкций, окончила его с отличием, но судьба не направила её в «технари» опять по простой и нелепой причине, хотя и прочили ей будущее инженера.

Валентине дали направление на учебу в механический техникум от завода «Баррикады», где она работала после училища. Пришла первый раз в техникум сдавать документы, а там сказали, что нужна ещё и справка о состоянии здоровья. Валя растерялась: нога больная, вдруг не примут в техникум, и не стала сдавать экзамены, приехала к матери со слезами. А та успокоила, сказав, что главный врач местной больницы, Анатолий Васильевич, приглашает Валю к себе на работу, потому что во время работы на «Баррикадах» девушка училась на курсах медицинских сестѐр. Тот же Анатолий Васильевич порекомендовал её для работы в только что открывшийся детский

садик, в котором она стала одновременно и врачом, и медсестрой. Работа в детском садике и определила дальнейшую судьбу Валентины - она поступила учиться в Волгоградский педагогический техникум и потом работала всегда в детских садах.

... На Мамаевом кургане в праздничные дни особенно много народа - приходят сюда любопытные туристы, приходят бывшие защитники Сталинграда, дети, которые выстояли вместе с ними. И если вы увидите у одного из знамён невысокую опрятную пожилую женщину, поклонитесь ей, как и всем, кто одержал Победу в Сталинграде, ибо дети военного Сталинграда - не просто дети, это - последние очевидцы того страшного времени. Свидетели триумфа советского народа, о котором некоторые «перестройщики» позабыли, и хотят заставить забыть о том новое поколение, выросшее в последнее десятилетие ушедшего века.

Великая Отечественная война - горькая, кровопролитная война, но она завершилась Победой всего советского народа, слава этой Победы, думаю, долго не померкнет, по крайней мере до тех пор, пока живы и мы, дети погибших на той войне. Это боль наша, но это и гордость.

Добро и зло живут рядом

Слушая рассказы ветеранов о «сороковых-грозových», я твердо уверилась в том, что жили в то время люди честные, порядочные, готовые помочь друг другу в трудный час. И что удивительно, хоть и

трудно всем жилось, никто не озлобился на советскую власть, прекрасно понимая, что в их бедах была виновата не власть в целом, а отдельные личности. И вдруг – рассказ, из которого стало ясно, что и тогда было зло и безжалостность. Впрочем, это и в самом деле так – во все времена живут на земле хорошие и плохие люди, и взаимоотношения между ними – чисто человеческие, тоже хорошие или плохие.

Таисия Васильевна Котрунова – урожденная Камнева, а фамилию, пока не получила паспорт, имела Зацепина. И этот факт как раз и свидетельствует, о том, что свет, с одной стороны, не без добрых людей - существуют на свете жалость, порядочность и любовь, а с другой – подлость и предательство. Взрослому человеку трудно перенести предательство, а каково маленькому ребёнку? И всё-таки оно было в судьбе Таисии Васильевны.

Таечка была третьим ребенком в семье Камневых. Жили они неподалеку от Казанской церкви в Сталинграде, на Липецкой улице. Когда началась война, отец Таи, Василий, ушёл на фронт, а мать, Анна, оставшись одна с четырьмя детьми, старалась их прокормить. Когда немцы разбомбили элеватор, окрестные жители ринулись туда, чтобы хоть немного зерна раздобыть для семьи. Пошла и Анна Камнева. А тут – новый налёт, и женщину ранило в бедро. До дома она добралась, но без медицинской помощи стало ей плохо, а потом началась гангрена, вскоре ребятишки осиротели.

Детей забрали родственники. Таю дедушка, отец матери, отдал своей дочери Полине. И шёл ей в ту пору третий годик. А вскоре этот район Сталинграда заняли немцы. Они оголили всю улицу, вырубив деревья и для обогрева, и для того, чтобы к ним незаметно советские солдаты не подобралась, так что перед каждым домом торчали пеньки.

Сколько времени Таечка жила у Полины, она не знает, но помнит, что та привела её к деду и сказала, чтобы он внучку забрал, потому что ей девочку кормить нечем. Дед только руками всплеснул, потому что сам кормился тем, что соседи дадут, мол, ты, Полинка, с ума сошла, я не смогу внучку прокормить, а сама она не выживет – дитё совсем. Полина молча вывела девочку на улицу, усадила на пенек, сказала: «Сиди здесь», - и ушла.

Так девочка узнала, что такое предательство, правда, она поняла это спустя много лет. Сидит дед в хате, горюет, не знает, что делать, а Тая на пенечке смирно посиживает, ждёт, когда тётя за ней придёт. И тётя пришла. Та, которую девочка стала звать мамой, та, которая её вырастила, выкормила, дала образование и свою фамилию на долгие годы – Анастасия Матвеевна Зацепина.

Зацепины жили напротив дома Камневых, были они бездетные и мечтали взять из детдома ребёнка. Приехала Анастасия Матвеевна как-то в Серебряковский детдом, а там в ту пору только детишки-инвалиды были. Ей посоветовали подождать, мол, придут ребята здоровые, вот и берите, воспитывайте, а с инвалидом да не родным –

намаетесь, сами себе не рады будете и ему – тоже, привезёте обратно, а это для ребёнка - большой удар.

Анастасия Матвеевна послушалась. А тут – война. Так её мечта и не осуществилась. Добрая женщина иногда заходила в дом Камневых и приносила еду дедушке Ивану. Пришла и в тот день, когда Таечка вновь очутилась возле родного дома. Дед взмолился перед Анастасией Матвеевной, дескать, всё равно чужого ребёнка взять хочешь, так возьми Тайку, вон она на пеньке сидит. Глянула Анастасия Матвеевна – и впрямь сидит себе смирнёхонько девочка. Подошла к ней:

- Пойдёшь ко мне жить?

- Пойду, - ответила малютка, которой было всё равно, где жить, тем более что родную маму она уже не помнила.

Анастасия Матвеевна решила:

- Мамой звать будешь?

- Буду...

С этого момента Тая Камнева фактически стала Зацепиной, хотя и получила после окончания школы документы на родительскую фамилию. Но всю жизнь она ощущала себя Зацепиной, потому что не зря говорят, что мало родить, надо воспитать, а воспитывали её мама Настя и папа Ваня Зацепины. Ей пришлось пройти с названной мамой все военные лишения даже плен. С мамой Настей Таечка оказалась в Белой Калитве, где позднее оказалась со своими родителями и Валя

Гурина, с которой Таисия Васильевна встретилась в ансамбле «Зоренька».

После освобождения из концлагеря Тая с мамой Настей сразу вернулась в Сталинград, потому что их район уже освободили от немцев, оттеснили к центру города. Анастасия Матвеевна через Серебряковский детдом оформила документально право на воспитание Таечки до возвращения родного отца. И, думаю, она этого момента ожидала со страхом, потому что дорог ребёнок, воспитанный в благоприятных условиях, а уж в горе да лишения – вдвое.

Василий Камнев вернулся домой в 1947 году – раненый, контуженный. Дом был пуст, дети живут у родственников. Тётушки привели к нему старшую дочь и сына, сообщили, что Таечка живет у Зацепиных. А рядом уже вертелась сестра умершей жены – Полина, та самая, которая совершенно спокойно бросила на произвол судьбы его младшую дочь. Полина лаской да заботой привлекла Василия к себе, они стали жить вместе – Полина, у которой был сын Володя, и Василий, с которым остался сын Коля. Старшая дочь Галина сразу же ушла в общежитие, до младшей дочери Василию вообще дела не было. Лишь однажды он по настоянию родственниц (всего-то надо было дорогу перейти!) навестил девочку. Представляю, что творилось в душе Анастасии Матвеевны, когда она показала Таечке незнакомого дядю и сказала:

- Это твой родной папа, я обещала твоему дедушке воспитывать тебя до его возвращения. Слово я своё сдержала.

А вот что творилось в детской душе, Таисия Васильевна рассказала сама:

- всю жизнь у меня были мама и папа, а тут вдруг какой-то ещё папа объявился. Чужой, неласковый, принёс мне в подарок металлическую гребёнку. Я в ужас пришла, со мной чуть истерика не вышла. Схватила я маму Настю за колени, заревела в голос: «Мамочка, миленькая, не отдавай меня, пожалуйста, я слушаться буду, все делать буду, что скажешь!»

Эту сцену даже человек без воображения может представить себе, а я, признаться, увидела это всё так зримо, словно рядом стояла, слёзы, правда, сдержала, чтобы не тревожить Таисию Васильевну.

Впрочем, девочка напрасно рыдала – дядя Вася (так она потом звала родного отца) и не собирался её забирать. Зато, когда возникла возможность получить дополнительные карточки за счёт дочери, пришёл, попросил дать метрическое свидетельство, и невдомёк было девочке, почему он велел ничего не говорить маме Насте об этом. Да она что угодно отдала бы ему, лишь бы не вздумал забрать её у Зацепиных, и когда Анастасия посылала девочку сходить проведать отца, та делала это неохотно, потому что это был для неё чужой человек. Лишь позднее узнали, что Василий оформил на имя девочки дополнительное питание, которое она, естественно, и не видела – её по-прежнему кормили Зацепины. А чтобы Анастасия Матвеевна ничем не могла доказать, что опекунство её временное и не вернула ему Таечку, видимо, уничтожил справку, выданную в детдоме,

которая лежала в метрическом свидетельстве. Это выяснилось тоже позднее, когда девочка уже завершала учёбу в школе – там Таечка была известна как Зацепина, но ведь документы должны были выписать на Камневу согласно метрическому свидетельству. Таечке хотелось и документы получить на Зацепину, да нужной справки в метрике не оказалось. Тогда и рассказала она маме Насте, что когда-то метрику брал «дядя Вася». Анастасия пошла к Камневу узнать про справку, а тот заявил, что никакой справки и в глаза не видел. Впоследствии отсутствие этой опекунской справки, подтверждавшей, что она сирота и взята на воспитание из детдома, помешало получить Таисии отдельную квартиру. Вот так Таечку предали ещё раз, на сей раз – родной отец.

Окончив школу, Таисия поступила в техникум советской торговли, а потом и в финансовый институт. Училась в институте и одновременно работала в «Универмаге» в Волжском. Так что с нашим городом Таисия Васильевна связана с 1961 года. В 1964 году перешла на завод органического синтеза и работала там 27 лет до выхода на пенсию.

Сколько помнит себя Таисия Васильевна, всегда она любое дело выполняет с песней.

- Мама Настя скажет мне двор подмести, а я мету да пою: «Волга-реченька глубока». Люди, проходящие мимо, останавливаются и слушают, а мне радостно – слушают меня, стараюсь как можно лучше петь. И так всю жизнь: без песен никак.

Мы с мужем часто пели дуэтом «Оренбургский пуховый платок», да и вообще в любом застолье запевалами были. И потому, когда мне сделали операцию щитовидной железы двадцать три года назад, я, очнувшись, сразу спросила врача: «Петь буду?» Не «буду жива», а именно смогу ли петь. Доктор Ушаков мне ответил: «Будешь, но не на сцене». А я вот и на сцене пою.

В «Зореньку» Таисия Васильевна попала, познакомившись в ассоциации «Дети военного Сталинграда» с Надеждой Тарасовной Анненковой. Она сказала: «Иди к нам, голос у тебя хороший, а нам сопрано нужны». Таисия Васильевна застенялась сначала, а дочери – Татьяна да Светлана – убедили, что лучше в хоре петь, чем дома в четырёх стенах сидеть, иди, мама, в люди. Вот и пошла. И не жалеет.

- Мне приятельницы иной раз говорят, дескать, охота тебе в любую погоду на репетиции ехать, время тратить на концерты. А мне охота, я в «Зореньке» себя очень хорошо чувствую, потому что у нас много общего есть в судьбе, общие воспоминания даже есть, хотя до войны все мы жили в разных местах.

Когда-то в юности Таисия Васильевна пела с мужем, а сейчас поёт с дочерью Татьяной и её мужем, который играет на гитаре. Светлана стесняется петь одна, зато неплохо «тянется» в песне вслед за сестрой и матерью. Вот такой у них получился семейный ансамбль. А внучки Леночка и Гречочка увлечены танцами. В своё время Светлана занималась в ансамбле «Волгарята», впрочем, девчонкой Таисия Васильевна увлекалась художественной гимнастикой,

посещала балетную школу – приёмные родители радовались тому несказанно и всегда поощряли её выступления в художественной самодеятельности. Говорят, дав какой-либо талант человеку, природа обычно «отдыхает» на его детях, а талант передаёт внукам. Но способности Таисии Васильевны проявились и в дочерях, и во внучках. И как когда-то радовались её успехам папа Ваня и мама Настя, так она сейчас радуется проявлению творческих наклонностей у своих девочек – взрослых и совсем ещё юных.

КИНОЛЕНТА ПАМЯТИ

Мария Ильинична Лебедева не может смотреть фильмы о войне, потому что память начинает «крутить» перед глазами свою кровавую киноленту. И этот «кинопроектор» невозможно выключить как телевизор.

Родилась Мария Ильинична в селе Ерзовка, которое во время войны оказалось в прифронтовой полосе. Село большое - более семисот дворов. Его жители были объединены в два колхоза - имени Тельмана и имени Димитрова. Но это уже позднее, а в период гражданской войны они делились на «красных» и «белых». И так случилось, что Анна Ивановна, мать Марии Ильиничны, любила парня, воевавшего за «красных», а замуж вышла за «белого», с

которым прожила, не любя, однако притерпевшись, долгую трудную жизнь и воспитала четверых детей. Вышла потому, что получила известие о гибели своего жениха, а годы такие, что подошла пора определять свою дальнейшую жизнь. Она была симпатичная, трудолюбивая, вот и прислал сватов Илья Шелков. Подумав, Анна согласилась выйти за него замуж - в семье было пять сестёр и три брата, она и решила хоть так помочь своим родителям. Это, кстати, спасло её от высылки в период коллективизации, когда земляные наделы, полученные после Октябрьской революции, неожиданно для некоторых крестьян стали не благом, как это было задумано большевиками, а горем и окончательным разорением.

Родители Анны были не богатые люди, в хозяйстве - бык да верблюд. На поле управлялись всей своей большой семьей без наёмных рук и симпатизировали советской власти. И не живи в их селе мужичонка по прозвищу Бальбошка, вступили бы они, наверное, в колхоз и работали в нём, не покладая рук, как в своем хозяйстве. Но Бальбошка был из тех необразованных, причём мстительных, людей, кто, получив власть, решил, что волен казнить и миловать. Каким был по сути этот человек, говорит его прозвище - Бальбошка, то есть балабон, а прозвище на Руси всегда было самой яркой и точной характеристикой. Так случилось, что отец Анны повздорил с этим Бальбошкой, и тот включил его в список на раскулачивание. Правда, отец избежал высылки, потому что умер, а мать с младшим братом Павлом (остальные жили уже отдельно от родителей, как Анна)

сослали в Омскую область. Оттуда Павел вернулся в 1946 году вместе со своей семьей, полностью реабилитированным: разобрались, что семью оговорили. Но из Сибири не вернулась мать - умерла в дороге, тело сняли с поезда, а где - Павел не знает.

Что касается Анны и Ильи, то они, поженившись, нанялись в батраки к крепкому единоличнику - их немало было в двадцатых годах. Работать приходилось много, работа тяжёлая, и первая дочь, которую нарекли тоже Анной, родилась под телегой в степи. Хозяин позволил роженице полежать дома дня три, а потом она стала выезжать в поле вместе с дочкой. Покормит её, перепеленает и оставит под телегой. Три года спустя родились мальчишки-близнецы, а в 1930 году - Маша. После рождения близнецов Анна узнала, что её жених не погиб. Он предлагал Анне уйти к нему, но та не решилась, хотя по-прежнему любила его - не принято было в то время уходить от мужей, как бы женщине плохо не жилось. Да и дети бы не одобрили её уход от отца, к тому же она жалела Илью Сергеевича, потому что тот болел водянкой. Однако эта болезнь не стала препятствием во время войны призвать его в армию, и он погиб в бою за деревню Чермолик Мариупольского района Сталинской области (ныне это Донецкая область).

«Дорогая Анна Ивановна! - писал Илья Сергеевич перед своим последним боем. - Я теперь не в обозе. Иду в бой. Как вернусь из боя, отправлю это письмо». Но ему не суждено было выполнить своё намерение - письмо Анне Ивановне вместе с документами мужа

прислал его товарищ, который сделал прямо на письме приписку, что Илья Сергеевич погиб. И сколько ни ходила после войны Анна Ивановна по различным учреждениям, сколько ни показывала это письмо, чтобы добиться пенсии для Маши по потере кормильца, никто на ту приписку не обращал внимания, потому что Илья Сергеевич официально считался без вести пропавшим. А пропал без вести - это ещё не погиб, считали чиновники, авось да объявится.

Маше было 12 лет, когда война подступила к самому порогу их дома. 23 августа 1942 года она отлично помнит. Фашисты вели массированную бомбёжку не только Сталинграда, но и окрестных деревень, где скопились войска и обозы. Так что досталось - да ещё как! - и Ерзовке.

В тот день Маша разносила по поручению сельсовета призывные повестки, братья Саша и Петя были на оборонных работах, сестра Анна в то время уже работала в Сталинграде. Мать оставалась дома. Было 16 часов 18 минут. Именно это время было назначено для массированной бомбёжки Сталинграда, а войска ударной группировки 6-й армии с немецкой педантичностью вырвались к Волге в районе посёлков Латошинка, Акатовка, Рынок.

Фашисты отлично знали, что бомбить - объекты жизнеобеспечения: амбары с хлебом, магазины, склад горючего, даже две колхозные полуторки разбили в щепки. Причём делалось это бомбами-зажигалками, так что всё вспыхивало мгновенно. Те, кто находился в сельсовете, и Маша тоже, выскочили на улицу. А там!

Как в лермонтовских стихах – «...смешались в кучу кони, люди...», потому что по селу непрерывным потоком двигались обозы - войска отступали от Сталинграда. Кровь, вопли людей, ржание лошадей, вой самолётов, взрывы, огонь кругом, куда ни взглянешь.

Маша со всеми кинулась прочь от сельсовета, и тут взрывной волной её бросило на землю, какой-то шальной осколок срезал кожу на пятке девочки. Кое-как ей перевязали пятку и отправили домой. Она бежала через овраг в свою Шиловку - так звали в Ерзовке их околоток, а навстречу мать бежит да причитает: «Где мои доченьки, где мои сыночки?! Живы ли?!» Схватила, прижала к себе Машу, радуясь, что хоть одного ребёнка увидела живым. Саша с Петей тоже вскоре вернулись, а вот Анна-младшая добиралась домой с большими трудностями - раненая в ногу, на костылях.

Анна после окончания ФЗО работала на тракторном заводе в инструментальном цехе токарем. Она возвращалась в общежитие после работы, когда начался авианалёт. Шальная разрывная пуля попала девушке в ногу. Кое-как она сумела добраться до своих родственников, живших неподалеку. Те перебинтовали рану, оставили Анну у себя. Во время бомбёжек они прятались в убежище, Анна же не могла ходить и оставалась в доме. Через несколько дней хозяин соорудил костыли и сказал: «Извини, кормить нам тебя нечем, попробуй добраться в Ерзовку». И она пошла кружным путем, потому что между Ерзовкой и Сталинградом были немцы. За пару крепдешиновых платьев и атласное одеяло её перевезли на левый

берег, и девушка несколько суток ковыляла берегом Волги, пока не оказалась напротив родного села. Возле Пичуги Анна переправилась в Ерзовку. На её счастье к тому времени немцев отогнали, а в доме Шелковых уже квартировал высокий армейский чин, и девушке оказали квалифицированную медицинскую помощь - нога зажила, но остался глубокий шрам в области паха.

Немцы после первых сильных бомбёжек и прорыва к Волге, прошли по окраине села, собирая «яйки, млеко, курки», но потом от Ерзовки немцев отогнали наши войска и не уходили оттуда до самого завершения сражения за Сталинград. Акатовка и Винновка были заняты фашистами с 13 сентября по 18 ноября 1942 года.

В огороде Шелковых стояли «катюши», в доме жили солдаты, а хозяева в блиндаже во дворе - солдаты разобрали баньку и соорудили этот блиндаж по всем правилам, со входом и выходом.

Однажды, видимо, перед наступлением, в Ерзовку приехал Жуков. К Шелковым в блиндаж заскочил один из постояльцев и закричал: «Женщины, выходите на улицу, там Жуков идет!» Они выбежали на улицу - и впрямь, шагает по улице впереди группы офицеров Жуков уверенно и быстро, почти чеканя шаг. Его любили солдаты, говорили, что появляется Жуков на том фронте, где намечается наступление, зачастую так и было, поэтому солдаты радостно приветствовали знаменитого советского военачальника, предполагая, что скоро пойдут в наступление.

Первую военную зиму Шелковы прожили почти благополучно - выкопали на огороде картошку, собрали овощи, да и корова была. Правда, корову эту, как ни странно, почему-то искалечили свои же солдаты - топором разрубили ей почти весь крестец. Бедная корова, отчаянно мыча, прибежала на подворье. Лечить корову не было смысла, потому пришлось забить. Мясо подсолили и ели всю зиму.

Голод начался после освобождения Сталинграда, потому что не было ни зерна на посев, ни семян овощей. Анну Ивановну Шелкову, которая считалась грамотным человеком и была в колхозе счетоводом, назначили бригадиром посевной бригады. Посевное зерно наскребли по дворам - после первой бомбёжки уцелела церковь, превращенная в амбар, и люди растащили по дворам зерно, спрятали по ямам. Эти захороны обнаруживали, зерно забирали.

Бригаду вывезли в поле, а люди голодные. Они воровали зерно, уходили в степь и варили в котелках кашу. Анна Ивановна бросалась всем телом на мешки, совестила подчиненных, дескать, если не думаете о себе, так хоть меня пожалейте, ведь посадят за недостачу. Она ещё не знала, что её недостача и так планировалась недобросовестным кладовщиком - мешки были с недовесом. И посадили бы Шелкову, если бы не вернулись к тому времени искалеченные сыновья. Их взяли в армию, и не прошло года - оба вернулись.

Петра комиссовали после ранения в ногу, руку и живот. У Петра рука так и осталась крючковатой, а пищевод укоротили раза в два.

Саша выжил чудом. Он был ординарцем, исполнял различные поручения командира и однажды ночью случайно пересёк линию фронта, понял это, лишь услышав вражескую речь. Он - назад. Тут его и ранило в руку. В бессознательном состоянии Сашу на следующую ночь подобрали санитары, решили, что мёртв, уложили в штабель трупов. Очнувшись, Саша застонал, его услышали, вытащили, но руку пришлось ампутировать - началась гангрена. И в то время, когда мать работала в поле, на плечах тринадцатилетней девочки было трое инвалидов - братья и сестра. Маша доила коз и носила продавать молоко (за 15 вёрст!) в Сталинград. На вырученные деньги покупала пшено за 200 рублей стаканчик, варила кашу. Братья потом, как инвалиды, встали на учёт в Сталинградском военкомате, им предоставили места в общежитии, назначили пенсию. Анна Ивановна, счастливо избежав суда, тоже перебралась с дочерьми в Сталинград. Они стали жить в маленьком домишке, приобретённом на деньги, вырученные от продажи дома в Ерзовке. Маша стала учиться в школе, а старшая дочь вновь устроилась работать на тракторный завод. Там же, на тракторном, после окончания семи классов стала работать в сталеплавильном цехе и Маша. Работала и училась в вечерней школе.

Сталеплавильный цех - большой, грохочущий, сверкающий расплавленным металлом. Маша сначала работала связисткой на цеховом коммутаторе, а потом - оператором на пульте контроля за плавками. Их печь была комсомольской, всегда побеждала в соревновании. Правда, как считает сейчас Мария Ильинична, иной раз

и показушным было это соревнование, потому что на их печь в первую очередь всегда подавали шихту, создавая условия для бесперебойной работы. Это сейчас понимает, что хорошее дело - честное соревнование - испоганено было, как и коллективизация, карьеристами-показушниками (ведь и на них падал отблеск славы передовиков), а тогда не задумывалась, почему их бригада ходит в передовиках, просто нравилось быть на виду, иметь хороший заработок и постоянные премии.

Жизнь сурово обошлась с семьей Шелковых: Илья Сергеевич погиб, сыновья искалечены, дочери повторили судьбу Анны Ивановны, выйдя замуж лишь потому, что возраст подошёл да и братья на том настаивали. У обеих мужья оказались не идеальными, семьи распались. Но несмотря ни на что, все Шелковы сохранили душевную чуткость и не замкнулись в себе. Более того, они все - люди увлечённые. Пётр, например, любит столярничать, а Саша левой рукой рисует. В квартире у Марии Ильиничны висит копия картины И. Шишкина "Три медведя", которую нарисовал Саша, а Пётр вставил в багетную раму.

Мария Ильинична занималась в своё время на курсах художественного вязания, несколько лет общалась с последователями Иванова, ежедневно обливалась водой или плавала в реке. А сейчас поет в хоре «Зоренька», и когда ансамбль отмечает какую-либо памятную дату, на столе всегда есть дары её сада-огорода, потому что она – замечательная огородница, и несмотря на преклонные годы,

дачу продавать не собирается. Из ансамбля тоже не уходит, потому что ей важно быть причастной к содружеству тех, кто, как и она, вероятно, прокручивает мысленно свою киноленту памяти.

НИТЬ АРИАДНЫ

Люди живут не только семьями, а друзья познаются не только в беде. Чаще всего люди объединены работой или общими интересами – только диву иной раз даёшься, каким необъяснимым образом они оказываются вместе, словно невидимая нить ведёт их по лабиринту жизни и выводит наконец туда, где обретают они душевный комфорт. И я совсем не удивилась, когда Полина Михайловна Панова сказала, что родилась в городе Порхов Псковской области. В «Зореньку» же её привела любовь к песне. Видимо, судьбой ей было уготовано, чтобы она не только приехала в Волжский, но и пришла именно в «Зореньку» и конкретно к Нине Тимофеевне Поповой – о хоре и её руководителе Полине Михайловне рассказала дочь Людмила, которая несколько лет поет в «Гаудеамусе».

Прежде, чем Полина Михайловна Панова попала в Волжский, ей пришлось немало поколесить по стране. Была б её воля, она сделала бы это в самом буквальном смысле – на колёсах автомобиля, потому что самая её первая и на всю жизнь любимая профессия – шофёр. Она до сих пор садится сама за руль автомобиля, чем радует мужа Алексея Григорьевича – сидит себе да по сторонам поглядывает, а за дорогой следит семейный штатный шофёр – Полина Михайловна. Собственно,

они и познакомились потому, что работала водителем в посёлке Чкалово Саратовской области, где жил Алексей Панов, и куда семью Полины Гусаровой занесло военным ветром.

Гусаровы жили в Порхове до самой войны. Отца Полина не помнит – умер совсем молодым, оставив на руках жены Александры Михайловны шестерых детей. Она работала в Ленинграде, видимо, на кожевенной фабрике, потому что привозила с работы кусочки выделанных шкур и шила из этих клочков шубки своим детям. Работа у неё была, как сейчас бы сказали – вахтовая: всю неделю, иной раз и больше, работала на фабрике, домой приезжала только по выходным. А по хозяйству главной была старшая дочь Антонина, которая уже училась в педучилище. Кроме Антонины и Полины были ещё мальчики Женя, Серёжа.

Когда началась война, Полине было 11 лет, однако помнит она войну смутно, наверное, потому, что было страшно ребятишкам переживать бомбёжки без матери. Едва начинала завывать сирена, братья хватали за руку младшую сестру и мчались прятаться в подвал. Но однажды после очередной бомбёжки детей вывели из подвала, усадили в машины и отвезли на вокзал. Почему взрослые так сделали, Полина не знает, может быть, посчитали их сиротами, раз прятались в подвале без матери.

Полина оказалась в вагоне одна – без братьев и сестры. Это уж потом Александра Михайловна рассказала ей, что случилось с остальными. Она приехала домой, а там пусто. Соседи ничего не

могли объяснить, и она бросилась в милицию с плачем: «Где мои дети?» Там тоже толком ничего не знали, потому Александра Михайловна и Антонина стали разыскивать ребят самостоятельно. Выяснили через некоторое время, что Полину отправили в детдом, но куда – неизвестно: ленинградское руководство старалось спасти детей в первую очередь, но вот с семьёй Гусаровых вышло всё как-то безалаберно.

Мать есть мать, она не верит в гибель ребенка, пока не удостоверится в его смерти сама, потому вопреки всему Александра Михайловна продолжала разыскивать своих детей несколько лет. В конце концов выяснилось, что старшего Сергея взяли в армию, он погиб. Женю и Толю определили в ремесленное училище. Женя до сих пор считается без вести пропавшим, может, мальчишка сбежал на фронт и погиб, а вот Толя умер в училище. Десятки писем и запросов, отосланные во все стороны, помогли найти Полину. Девочку эвакуировали в Саратовскую область, и наконец выяснилось, что она в детдоме неподалеку от станции Зуевка. Но в какой это было области, Полина Михайловна не помнит.

Что было до детдома, Полина Михайловна тоже почти не помнит – столь велик был шок от разлуки с родными.

- Помню посадку в вагоны – бомбёжка, дети плачут, цепляются за юбки матерей, те тоже плачут. Почему-то эвакуировали одних детей, видимо, хотели спасти в первую очередь нас, а потом уж взрослых. Помню ещё дорогу. Мы долго-долго ехали, бывало, эшелон

начинали бомбить, и тогда взрослые, которые сопровождали нас, выгоняли всех из вагонов, и мы бежали подальше от состава и прятались, где кто мог. Кормили нас плохо, воды совсем не давали. На одной из станций нас решили помыть и стали небольшими группами подводить к колонке, из которой закачивали воду в паровозы, и мы, оказавшись под струей воды, думали не о том, как вымыться, а старались напиться.

Что такое паровозная колонка, я знаю – была такая неподалеку от дома, где я жила. Иногда мы, ребятишки, из баловства, если поблизости не было железнодорожников, включали вентиль, и вода обрушивалась вниз – холодная мощная струя, под напором которой было трудно устоять. Мы представляли, что стоим под настоящим горным водопадом (собственно, ради этого и включали колонку), и с громкими воплями выплясывали какой-то дикий танец. И когда Полина Михайловна рассказывала о давнем «банном» дне, у меня перед глазами возникла картина: худенькие, перепуганные, грязные ребятишки, чуть не падая от мощи ледяной струи толщиной в их тела, запрокидывают вверх головы и пьют, пьют, пьют... Не мудрено, что потом дети стали умирать десятками – одни опились, словно лошади, другие умерли от расстройства пищевода, ведь вода в колонке была неочищенной технической. А кто-то и просто простыл.

Детдом, куда привезли Полину, был переполнен. В военное время худо взрослым, и во сто крат хуже детям – от тоски по родным, от страха, который не покидал их, от детских разборок, ведь дети все

свои проблемы в своем кругу решают кулаками, от голода, который подтачивал их организм.

- Есть нам хотелось каждую минуту, - вспоминает Полина Михайловна. - Летом ещё было сносно – возле детдома был огород, а осенью и зимой очень голодно. Принесут нам на подносе нарезанный хлеб, и мы все бросаемся, хватаем его. Кто успел, тот и съел, а кому – одни крошки. Мне чаще всего доставались крошки, потому что я слабенькая была. Из жидкого давали какую-то баланду, от которой животы болели. Осенью собирали мёрзлую картошку, делали крахмал и варили сами же – чёрное такое, клейкое варево. Я научилась прясть и вязать, потому иногда пряла да вязала для воспитательницы, за это она платила мне солью. И всё равно однажды я чуть не отравилась из-за этого крахмального клейстера. Ну а для воспитательницы главное было, чтобы мы хорошо учились, а как питались, всем ли доставалось, её, видимо, не волновало. В детдоме я жила четыре года, пока мама не нашла меня. А когда она приехала, то радости моей не было предела. Вот мама и рассказала о судьбе братьев.

Окончив школу, Полина выучилась на шофёра, вышла замуж. Встречалась она с Алексеем около года, поняла, что парень он хороший, надёжный, и когда посватался, то согласилась выйти за него замуж. И не ошиблась – вот уже более пятидесяти лет они вместе. Вырастили двоих детей – Людмилу и Сергея.

Судьба каждого из нас сводит с кем-то в определённое время, вот и Пановы жили в Красноармейске в то же самое время, когда там находилась Лидия Великая. Полина работала на том же заводе, где работал и отец Лидии Алексеевны, а вот, поди-ка, друг друга они не знали. Что – Великая! Полина Михайловна не была знакома даже с Валентиной Викторовной Гуриной, когда обе работали на подшипниковом заводе в Волжском. Но пришло время, и они встретились, и ни одна не жалеет о том. Ну а что Пановы долго искали место, где можно было бы осесть навсегда, так ведь не только рыба ищет место, где глубже, человеку свойственно искать, где ему лучше. Жили они в нескольких селениях Саратовской области, на Псковщине. Узнав о молодом городе на Волге, решили поехать туда. Долго маялись по квартирам, пока Полине Михайловне за отличную работу на заводе резиновых технических изделий не дали трёхкомнатную квартиру. Там она работала, пока не подошёл пенсионный возраст. Довелось поработать и на заводе органического синтеза. Ещё владеет она и профессией сварщицы. И сын Сергей тоже стал сварщиком. Но лучшей профессии, чем шофёр, для Полины Михайловны до сих пор нет. Совсем как для девушки-таксиста из старого-престарого фильма «Лушка», для той её работа тоже была самой лучшей на свете, а дорога – самой лучшей подругой. «Еду я, и даже не знаю я, куда приведёт дорога меня», – пела девушка-таксист. Полина Михайловна пела иные песни, но вот жизненная дорога,

словно нить Ариадны, привела её в город Волжский и в хор «Зоренька». И Полина Михайловна ничуть о том не жалеет.

НЕМЕЦ ДОЛЖЕН ЕЙ ТРИ ХАТЫ

- Моя дочь Светлана, - сказала Анфиса Пантелеевна Пилипенко, - говорит, что немец ей должен три хаты. «А почему?» – спрашиваю. Она отвечает: «Дом, где ты родилась, немец сжёт, в Волгограде, где потом жила – сжёт, хату моего отца на Кубани тоже сжёт. Вот и выходит, что немец у меня в большом долгу». Да уж, фашисты мало кому из россиян не должны – нет в стране, пожалуй, семьи, где никто не пострадал бы во время войны, не терпел лишения после. Она – боль наша, память наша, она будет жива в нас, пока живы её современники – солдаты-ветераны, их дети, внуки. Потом, конечно, война отойдет далеко-далеко и для правнуков Сталинградское сражение будет тем же, как, например, Куликовская битва для нас – легендой, может быть, ничто и не ворохнется в душе, дескать, было и было.

Анфиса Пантелеевна родилась в 1930 году в Баскунчаке. Она была шестым ребёнком в семье Книжниковых. Мать плохо помнит, потому что Мария Ильинична рано умерла. Пантелей Иосифович женился вновь, ведь такую ораву надо обиходить. Однако Иоганна (так звали мачеху) тоже умерла перед самой войной, и дети разбрелись по свету – иначе и не скажешь. Старшая сестра, жившая в Сталинграде, взяла к себе Анфису. Её муж был лётчиком, и едва

началась война, он сразу же оказался на фронте. Фашисты уже приближались к Сталинграду, впереди них бежали слухи, да и в прессе было немало материалов о том, как оккупанты издеваются над советскими людьми, особенно не щадят семьи офицеров, расстреливают всех от мала до велика. И сестра в большой истерике сожгла все фотографии мужа да вдобавок ко всему заболела – признали туберкулез, спровоцированный, видимо, нервным расстройством, и неудивительно, что вскоре она умерла, так и не увидев немцев. И осталась Анфиса с трёхлетним племянником Геночкой на руках.

При первых бомбёжках их эвакуировали в степь, в сторону Эльтона - там обосновались в землянках сталинградские беженцы. Горящий город был виден им, словно на ладони – несколько суток светило над ним зарево. Немцы бомбили Сталинград, не оставляя в покое и «степняков», потому что неподалеку шла железная дорога. Немецкий лётчик подбивал паровоз, тут же начинала полыхать цистерна с горючим, детонировали боеприпасы: эшелон горел потом, стрелял несколько суток, пока наступала возможность сбросить его с путей. Мальчишки искали патроны, находили и гранаты, кричали: «Ложись!» - и взрывали гранаты. А пороховые стержни вообще лежали в углах землянок, словно макароны – их использовали вместо спичек. Иногда немецкие лётчики просто так летали над самой головой детей, которые пасли колхозную скотину, пугали их

стрельбой, но, как ни странно, Анфиса не помнит ни одного случая, чтобы ребяташки подорвались на гранате или были застрелены.

Анфиса с племянником жила в землянке, где разместились три семьи с детьми. Анфисе с Геночкой выделили кровать у входа, где они спали вдвоём. Взрослые к ним относились хорошо, но Анфису считали главой семьи, потому ей мало выпадало поиграть со сверстниками, она имела, как и другие женщины, определённые обязанности по содержанию землянки в порядке. Конечно, тринадцатилетней девочке было трудно, однако она сейчас очень благодарна своим взрослым соседям по землянке за то, что научили её многому, может быть, ей уделяли внимания даже больше, чем собственным детям.

В 1944 году Анфису разыскал отец Гены. Он увёз мальчика в Эстонию к родителям, Анфису определил к своим знакомых в Эльтоне. Они устроили девочку на работу в «Заготзерно», и это помогло выжить не только ей, но и тем, кто её приютил – украдкой Анфиса, рискуя, что поймают, приносила домой горсточку-две зерна, и это в голодное время было весомой прибавкой к общему столу.

Получив паспорт, Анфиса получила и возможность выбирать место работы. Она смогла устроиться в буфет и стала полностью содержать себя. Одновременно училась в вечерней школе, потому что понимала – ей надеяться не на кого, а довоенные четыре класса улучшение в жизни не сулили. Ну а кроме того постоянно занималась на каких-либо курсах. А потом объявился дядя, который, хотя и был

сводный брат отца, Анфису признал близкой роднёй и увёз в Краснодар, тем более что девушка была уже вполне самостоятельным человеком.

Краснодарский период жизни Анфисы Пантелеевны, пожалуй, был самым лучшим в её жизни. И, к сожалению, самым горьким, потому что овдовела неожиданно-негаданно, прожив в ладу с мужем одиннадцать лет.

Говорят, если судьба что-то отнимет у человека, то потом и вознаградит. Именно так и вышло у Анфисы: потеряла мать, отца, раскидало родных по свету, то есть распалась семья, но потом была вознаграждена прекрасной новой семьей.

В Краснодаре она работала бухгалтером, одевалась хорошо, да и сама симпатичная, весёлая была, задорная. Парни ухаживали за ней, однажды Анфиса шутливо спросила ухажёра: «Замуж меня возьмёшь?» Тот испугался: «Да что ты? Мне тебя не прокормить!» И невдомек было ему, что внешне легкомысленная девушка всего в жизни добивалась своим трудом и сообразительностью - пережила немало, потому и самостоятельная была. Фёдор Пилипенко не испугался, влюбился с первого взгляда, и она душой к нему присохла. Едва познакомившись (Фёдор – сын знакомых дяди Анфисы), оба поняли – созданы друг для друга, потому Анфиса дождалась малознакомого парня из армии, вышла замуж за него. Фёдор же платил любовью и заботливостью, был таким мужем, каких поискать. Шутка ли – в 1956 году, когда про телевизоры не все слышали, в

просторном доме Пилипенко, который построил сам Фёдор, уже и телевизор стоял, и холодильник «ЗИЛ», а в гараже – мотоцикл и машина. Он всё, что зарабатывал, приносил в семью, даже на целину на заработки ездил. Дочь у них росла. И вдруг – нелепая случайность, автомобильная авария, и Фёдора не стало. Было так тяжело оставаться в доме без хозяина, где все было сделано его руками, Анфиса у гроба мужа сказала самой себе: «Уеду я отсюда». И, распродав нажитое, дом, она уехала к дяде Николаю Иосифовичу Книжникову в город Волжский – он к тому времени уже был там.

Дядя принял племянницу очень хорошо. Знал, что обузой не будет. И не ошибся, потому что Анфиса своим капиталом распорядилась правильно – купила кооперативную квартиру, обстановку. И стали они обживать новое гнездо вдвоём с дочерью, которую она в своё время выдала замуж с хорошим приданым, потому что и на новом месте всё крутилась-вертелась, зарабатывая копеечку в дом, и как когда-то Фёдор ездил на целину, так и Анфиса поехала на заработки с геологической экспедицией в Якутию.

- Если вспомнить, где я побывала – полстраны назову, я ведь всегда сама себе хозяйка была, потому в домах отдыха бывала, за границу по путёвкам ездила. Я с малолетства самостоятельная да практичная и старалась ни от кого не зависеть. Помню, поехала к сестре в Уральск, - вспоминает Анфиса Пантелеевна. – Дело было в 1947 году – очень голодное время. Пошла как-то сестра на рынок - там всё купить можно было, были бы деньги или что имелось

сменять. Увидела рыбу, и так ей захотелось рыбы! Она и купила небольшой кусочек, в общем, ей на зубок не хватит, а нас двое. Я схватила эту рыбку да на базар, продала её и купила пшена, наварила затирухи – наелись мы с сестрой.

Голодное время... Многим казалось тогда, что никогда в жизни не наедятся досыта. В Анфисе Пантелеевне это чувство жило примерно до восьмидесятого года, и потому, невзирая на приличия, она всегда садилась за стол, если приглашали, не отнекиваясь. А жила весело, с шутками-прибаутками. Даже дочь не раз говорила: «Мама, ну как это у тебя всегда ловко получается – всегда ты среди людей?»

Последнее путешествие Анфисы Пантелеевны было на Камчатку. Дочь выросла, окончила политехнический техникум, замуж вышла, и вот зять стал сманивать молодую жену уехать на Камчатку. Молодым с места сняться – только подпоясаться, вот и уехали они в Елизово неподалеку от Петропавловска-Камчатского. Анфису Пантелеевну тоска взяла невообразимая, написала дочери, что хочет побывать у них. Светлана прислала вызов, и она отправилась в Елизово в отпуск, а оттуда в Волжский послала заявление об уходе. Пятнадцать лет прожили они на Камчатке. Там родились одна за одной внучки – Юлечка, Настенька, Анфисочка. Подросли девочки, а зять Геннадий вновь песню завёл: «Хватит нам здесь жить, пора на материк».

- Господи, а как мне там хорошо жилось! Природа там изумительная. Погода – как у нас в Волжском. Я жила в военном городке, потому что работала в магазине «Военторг». Все офицерские жены были мои подруги, офицеры – друзья. Те и другие прибегали ко мне секретничать. Каждое воскресенье уезжали мы за город, ночевали в палатках. А места там – нетронутые. Как-то раз в малиннике медведя увидели. Девчушка одна чуть не в рев – съедят нас медведи, а я ей ответила, что, мол, ничего страшного, всех съесть не смогут, кто-то да останется в живых. Там я в Камчатском хоре пела, он на всю страну славился. А уж как отмечали мы его десятилетие! Но зять не отставал, вот и переехали обратно. Продали свою трёхкомнатную квартиру совсем дешево – ведь туда никто не стремится сейчас с материка. На вырученные деньги сумели здесь купить однокомнатную, в ней я и живу, а свою квартиру отдала им. Как живётся? По-всякому. Когда здоровье есть, а когда нет, деньги тоже то есть, то нет, ведь на пенсию живу. Но держусь бодро, не жалуясь. А вот без хора «Зоренька» и дня не проживу. Нину Тимофеевну просто обожаю, она – душа-человек, таких на свете мало бывает. И трудяга необыкновенная, а уж как дело своё любит! Я так Нине Тимофеевне и сказала: «Если Вы нас бросите, я через день умру».

Однако хор – не единственное увлечение. С радостью Анфиса Пантелеевна бывает и на концертах других творческих коллективов. Это, по её мнению, намного лучше, чем судачить возле крыльца с

другими пенсионерками. Удивительное место – город Волжский. Он похож на костер в ночи, на свет которого слетаются бабочки – столько в городе живёт талантливых людей, приехавших сюда в разное время со всех уголков необъятной нашей страны.

ЗОЯ АЛЕКСЕЕВНА

Ранний брак в деревне – не редкость. Вот и Кузмичёв Алексей и Мария Фомичёва были совсем юные, когда поженились. Алексей мечтал о девочке, хотел назвать ее Галочкой. О том и молодой жене сказал. И впрямь родилась девочка. Но имя ей дали деды – Василий Иванович да Тимофей Алексеевич. Собрались вместе, выпили за здоровье новорожденной и стали думать, как её назвать. Вот одному и пришла в голову идея: «А давай назовём Зоя Алексеевна, у нас в деревне помещицу так звали, хорошая была женщина, нам, крестьянам, помогала». Дружно хлопнули по рукам, дескать, так тому и быть, а когда приехал с бухгалтерских курсов молодой папаша, то девочку все звали Зочкой. Впрочем, Алексей не успел обидеться – подошло время в армию идти, потому что ему исполнилось восемнадцать. А его жене было и того меньше, зато возле подола копошились уже две дочери. Вернуться из армии Алексей не успел – началась война.

- Война для меня, - рассказывает Зоя Алексеевна, - словно сон. Однако же, хоть и шёл мне четвертый год, кое-что помню. В первый день войны собралось возле одного колодца всё село, женщины плакали. Дед по отцу был хороший пекарь, он ушёл на фронт да

потом быстро вернулся. А вот папа вернулся, когда мне было уже лет шесть. У нас тогда бабуся-квартирантка жила. Она что-то готовила, а я на печи лежала. Мама была на работе. Она днём дрова возила, а ночью ухаживала за лошадьми. И вот входит человек в гражданском пальто, спрашивает, можно ли войти. «Заходи, сынок, погрейся», - отвечает квартирантка. А я как глянула на него и узнала: «Папа!» – и заревела. А сестра не идёт к нему, твердит одно: «Ты не мой папа, мой папа на войне». Папа, оказалось, лежал в госпитале, ему ампутировали кисть руки, а потом комиссовали. Не успел в дом зайти, как сбежалась вся деревня с одним вопросом: «Случайно моего не встречал?» Ещё помню, как через нашу Новую Ханенеевку днём и ночью шли войска, это, наверное, в начале войны – солдаты изнурённые, голодные. Люди бросались к ним, чтобы хотя бы хлеба дать, а офицеры почему-то не подпускали их к солдатам. И тогда взрослые придумали детей пускать вперёд. Мы шмыгали между солдатами, раздавали варёную картошку, хлеб – нас не прогоняли. Папа у нас был бухгалтер, поэтому его сразу председатель колхоза счетоводом поставил, жить нам стало полегче. Вскоре и война окончилась. А мне подошло время в школу идти. Тут папу перевели работать в другой, более крупный колхоз. Там ещё девочка родилась, вот её-то и называли Галочкой. Из-за того, что папу переводили то в одно, то в другое место, я плохо читала. На третий год путешествий мы вернулись в Новую Ханенеевку.

Сестра папы была учительница, она и говорит: «Ну-ка, Зочка, почитай». А я – кэ-у-пэ-у: «купи»... Тётка в ужас пришла, побежала к другой тёте, та тоже за голову схватилась и заявила: «Будешь у нас ночевать да учиться читать». А тут у нас родился братик, назвали его Геной. Отец был в восторге, и всё бы хорошо, если бы не его привычка выпить. Из-за этого он угодил в тюрьму – потерял большую сумму денег, и его осудили на пять лет. И вновь мы остались одни – мама да нас четверо. Мама уйдёт на работу, а я – за старшую.

А время было повсеместно голодное, куда ни кинься – на Волге, в Сибири, в центральной части, в Калмыкии... Война очень сильно подкосила всё хозяйство страны. Все мои знакомые, пережившие войну, рассказывали, как ели лебеду, жолуди, щавель, липовую листву, пробовали каждую травку на вкус, да и той не хватало. А как последнюю картошку посадят весной, так вообще есть нечего.

Младшие хотели есть постоянно, а Зоя готовила и выдавала им еду строго по норме. Да и то случались казусы. Как-то раз бабушка дала картошки, а девчонка случайно взяла горшок, в котором когда-то хранился керосин, и начала в нём варить картошку. Спихватилась, да поздно – картошка была испорчена. То-то рёву было! И вот младшие – сестра и брат – решили убить Зою за то, что она им всё сразу съесть не дает, мол, убьём, еду всю заберём и сбежим. Стоит как-то Зоя возле печи-голландки, греется, а младшие взяли да дернули её разом за ноги. Зоя упала, потеряла сознание, потому что сильно ударилась затылком о печь, а сестра с братом убежали, спрятались в огороде в

картошке. Сидели-сидели, одумались и сами перепугались, что наделали – сестру убили. Пошли посмотреть, что с ней, а она уже очнулась.

Голод-голодом, а девушки росли да красоты набирались, вот и Зоя несмотря ни на что быстро «набрала формы». Тут и ребята стали из армии возвращаться. А она, сколько к ней ни сватались ребята, всем отказывала, словно знала, что скоро приедет Василий Терёшин. Васенька.

И вот он приехал. Пошел на танцы в клуб с сестрой, а та шутливо и говорит: «Васенька, вон Зойка Кузмичёва, как раз тебе – невеста, весёлая девчонка». Василий весь вечер танцевал с девушкой, а потом пошёл провожать после танцев, а как вернулся домой, заявил родителям: «Я на ней женюсь!» Девчонки повзрослее злились на соплячку-малолетку, ведь какого завидного жениха сманила – считай, один сын у родителей, поскольку сестра уже замужем. Семья порядочная, и парень хорош собой. Родня Кузмичёвская сбежалась, все галдят одно: «Лучшего мужа не найти в их деревне, выходи, Зойка, замуж...» А её и уговаривать не надо было – Васенька ей и самой приглянулся: видно, не зря говорят по любовь с первого взгляда. Словом, чтоб промеж молодым не возникло нечаянного блуда, через две недели сыграли роскошную свадьбу.

- И вот помню, - улыбается Зоя Алексеевна, - выборы были, а мы не идём. Свекровь говорит: «Васенька, а что вы на выборы не идёте?» А муж мой отвечает: «А у меня жена ещё маленькая, ей не

положено». 7 сентября 1954 года родилась первая дочь, её надо регистрировать, а мы сами не расписаны ещё, потому что я была несовершеннолетняя. Сел Вася на велосипед, посадил меня на раму, и поехали мы в соседнее село, где был сельсовет. Кое-как уговорили зарегистрировать наш брак. Заодно и дочь зарегистрировали.

Спустя два года молодая семья переехала в Сталинград. Правда, первопроходцем был свёкор.

Он во время войны пропал, никто не знал что с ним, оказалось, был в плену, а как война закончилась, его не осудили, но и домой не отпустили – послали работать на восстановительные работы в Сталинград. Там ему понравилось – теплее, чем в Ульяновской области, где была их Новая Ханеевка. Вот и задумал привезти сюда семью. Однако на новом месте домочадцы очень скучали по своему дому, потому вскоре семья оказалась снова в Новой Ханенеевке.

И всё-таки свёкор сманил всех в Сталинград. Случилось это не сразу, а после того, как отслужил Василий. В селе работы не было, особенно молодым. Свёкор и решил уехать. Съездил на «разведку», увидел новый город Волжский. Грандиозная стройка удивила его, и он остался. Вызвал к себе Василия, а уж он решил и семью к себе забрать.

- И вот я приехала в Сталинград. Раньше-то в городе никогда не бывала. Вышла на перрон, а там – жарница, каблуки в асфальте отпечатываются. Мне даже страшно стало, но вижу – бежит мой Васенька. Родители его (свёкор опять вернулся домой) и мои жили

уже на Кубани - дружно туда переехали - написали, может, переберётесь и вы к нам, но Вася работал в бригаде Николая Кухаренко, работа ему нравилась, заработок был хороший, и мы решили остаться. Сняли квартиру на Спартановке. Я сидела с дочерью, а Вася ежедневно ездил на работу на катере, мы его вечером с дочкой встречали. А как он получит зарплату, так ехали вместе с ним в котлован, брали что-нибудь вкусненькое в буфете – там снабжение было лучше, чем в Сталинграде – и праздновали. Потом нам дали комнату в квартире на пять семей неподалеку от бывшего ресторана «Волга». Все, кто жил там, работали в котловане, а я – в аптеке на Фонтанке. Потом посоветовали мне устроиться на бетонный завод. И я там проработала без малого десять лет. А вспоминать - одни слёзы да смех иной раз. Выучилась я на моториста, стала работать на верху башни. Моторы режут, щебень грохочет, а я хожу да песни горланю так, что на улице слышно. Люди головы задирают, спрашивают у бетонщиц, мол, радио у вас там, что ли, есть. В Казачьем ансамбле есть один казак, который в то время со мной на бетонном работал, так он до сих пор только охает, дескать, как же трудно вам, женщинам, там работалось. Ну а Васенька мой всю жизнь в бригаде Кухаренко работал. Их бригада на всю страну славилась, бригадир сам хорошо работал, и других заставлял. Николая Лукьяновича Кухаренко наградили за его работы звездой Героя Социалистического труда.

Зоя Алексеевна ушла с бетонного завода совершенно неожиданно в кафе «Волжаночка», потому что приятельница её там работала и знала, что Зоя любит готовить, видно, гены деда-пекаря проявились, вот и позвала к себе. И как пришла она в кафе, ставшее потом рестораном, так оттуда и на пенсию ушла спустя 26 лет – начала подсобницей, окончив курсы кондитеров, «доросла» до бригадира.

И как память о работе кондитером, несколько Почётных грамот, но меня удивила одна, последняя, датированная 21 апреля 2001 года и подписанная Войсковым казачьим генералом В. Водолацким. Собственно, именно с неё и начался наш разговор. И выяснилось, что Зоя Алексеевна Полякова не только поёт в хоре «Зоренька», но руководит казачьим хором станицы «Вольная», которая находится в Волжском.

Петь Зоя любила с детства. Ещё когда была совсем маленькой, брат отца просил спеть «Мальчуженку», а потом говорил её матери: «Маруся, у тебя вторая Русланова растёт, береги её». Подросла девчонка, стала участвовать в художественной самодеятельности – пела да плясала. Бывало, соберутся ребята на гулянку возле колодца, и громче всех слышен голос Зои Кузмичёвой. Уж разойдутся все, а она всё поёт да пляшет под развесёлую гармонь. Мать выйдет, скажет: «Зойка, уймёшься ли ты когда? Ведь всё своё счастье пропоёшь!»

Пропеть счастье она вроде бы и не пропела, а жизнь была трудной, иной раз и несчастливое время наступало. Но выросли дочери, подрастают внуки. Старшая дочь Валя окончила дошкольное училище, младшая Лена – швейное училище, сейчас она брючный мужской мастер. Лена в свое время танцевала в одном ансамбле Дворца пионеров с дочерью Марии Яковлевны Федоткиной, которая тоже поёт в «Зореньке», только та так и осталась на сцене, сама теперь хореограф, а у Лены заболела нога, потому она и не стала поступать в культпросветучилище. Обе дочери поют хорошо, а внуки нет. Зато один из внуков – художник, закончил Астраханское художественное училище.

В казачество Зоя Алексеевна влилась с помощью второго мужа, Константина Полякова, который, в отличие от первого, играл на гармошке и очень любил, как Зоя пела. Когда казачий хор стал разваливаться, атаман станицы «Вольная» предложил возглавить его сестре Зои Алексеевны – Галине, потому что та работала музыкальным руководителем детского сада, расположенного в квартале, в котором расположена станица «Вольная». Однако сёстры Зои Алексеевны не увлекаются казачьими песнями, а она их обожает (наслушалась у родственников мужа-казака), вот и сменила незаметно сестру в казачьем хоре. И всё-таки сёстры иногда выступали вместе на сцене, потому что все певучие, и даже стали призёрами конкурса «Хобби-99» – три Алексеевны (Нина, Зоя, Галина) и мать их Мария Тимофеевна. Побеждали они и на Руслановском конкурсе. Но, к

сожалению, Зоя Алексеевна уже никогда больше не выйдет на сцену: улетела её певучая душа в мир иной, живым неведомый. И как знать, может, она и «там» руководит хором таких же певучих душ?

МАЭСТРО

Я знакома с Ниной Тимофеевной Поповой более тридцати лет. У меня однажды настал период, когда, хоть в омут головой. И однажды встретилась на улице знакомая, оказалось, она занимается в знаменитом народном академическом хоре дворца культуры «Волгоградгидростроя», который образовал в 1964 году Александр Львович Скакальский. Под его руководством хор стал академическим, а потом и народным. Знакомая попросила написать о хоре статью – тогда приближался юбилей хора.

Я пришла на репетицию, после неё поговорила с Ниной Тимофеевной, и та неожиданно предложила «прослушаться». Я робко пропела известную в то время песню «Ромашки сорваны, завяли лютики», и выяснилось, что я обладаю голосом «альт второй». Так я стала петь в народном академическом хоре. И пела, может быть, до сих пор, если б народный академический хор не исключили из состава самодеятельных художественных коллективов дворца. Мотив – большие трудности с финансированием – время наступило лихое, жестокое и непонятное, короче говоря – перестроечное. Всем хором мы отправились к начальнику «Волгоградгидростроя» М. Г. Никулину, рассказали, что такой известный не только в городе, но и в России, хор нельзя распускать. Там хоть и самодеятельные, но очень

талантливые певцы, а преемница Скакальского Нина Тимофеевна Попова – одна из лучших хормейстеров города, под её руководством хор неоднократно был призёром различных смотров и фестивалей. Никулин подумал и взял на себя финансирование, однако многие хористы ушли – сказался, видимо, стресс от неожиданного решения городских властей закрыть хор, а, может, просто не верили в помощь Никулина. В общем, хор развалился, но сохранился вокальный ансамбль «Гаудеамус», который являлся ядром хора - в нём были самые певучие, те, кто просто жить не мог без песни. «Гаудеамус», которым Нина Тимофеевна руководила в бытность вторым дирижёром в хоре Скакальского, заблистал новыми «красками», а потом она стала и руководителем хора детей военного Сталинграда «Зоренька», потому что члены хора поросили её об этом.

Нина Тимофеевна родилась 20 декабря 1940 года в Сталинграде. Её отец, Тришечкин Тит Федорович (такое имя ему было дано при крещении, однако все звали его Тимофеем) приехал в Сталинград из Тульской области на строительство Тракторного завода. Он был хороший печник и каменщик, как его отец и братья. Один из братьев вместе с Тимофеем тоже строил Тракторный завод, после завершения строительства он уехал на другую стройку, а Тимофей остался работать в кузнечном цехе, где его умелые руки печника были очень кстати. Он и в армию служить пошёл из Сталинграда. Мать Нины, Аксинья Гигорьевна, родилась и выросла в Руднянском районе Сталинградской области в селе Громки, и в областном центре

оказалась по набору - строила город. Познакомилась с Тимофеем, когда он вернулся из армии. Молодой семье дали квартиру неподалеку от Тракторного завода, и всё предвещало ладную красивую жизнь, но началась война, поломавшая все планы.

Тимофей остался на заводе по «брони», потому что с началом войны завод сразу стал выпускать танки, и квалифицированные рабочие очень были нужны. Они работали чуть ли не сутками, почти не выходя из цехов. Отдыхали только тогда, когда жёны принесут обед, вот тогда, пообедав, они давали себе отдохнуть часок-другой. Когда началась эвакуация предприятия в тыл, многие из рабочих должны были следовать в эшелоне, где находилось оборудование, а семьи эвакуировались отдельно. Тимофей из-за своей занятости не мог это сделать своевременно. Ему едва удалось впихнуть жену и маленькую дочь в автобус в самый последний момент, и то потому, что украдкой сунул водителю бутылку водки. Небольшой автобус был так «набит», что шофер посадил Аксинью с девочкой чуть себе не на колени. Так они выбрались из горящего Сталинграда, а потом добрались до Ростова, успели до того, как немцы вошли в Ростов, уехать в Армавир. А Тимофей эвакуировался в Барнаул, туда потом и вызвал семью.

В Барнауле Тришечкины жили до начала пятидесяты. Там Нина пошла в школу и родилась её сестра Людмила. Тимофей получил квартиру, его на заводе уважали, он не раз поощрялся премиями и Почётными грамотами. Однако сердце болело по Сталинграду, по

Тракторному заводу, новости о его восстановлении они часто слышали по радио. И как ни уговаривало руководство Тимофея остаться в Барнауле, он всё-таки решил вернуться в разорённый, но такой родной и милый сердцу город.

Первое время Тришечкины жили у знакомых в проходной комнате, работать Тимофей стал на Тракторном заводе – его с радостью приняли в кузнечный цех, он стал бригадиром печного хозяйства. Жизнь стала налаживаться, дети подрастать, надо было думать уже о их будущей жизни.

Мастерская семья Тришечкиных славилась в своем селе Польно не только золотыми руками, но и звонкими голосами, умением играть на каких-либо инструментах. У Тимофея тоже был прекрасный музыкальный слух, он играл на баяне. Мало того – научился сам мастерить баяны. Сначала Тимофей играл по слуху, а нотной грамоте его научил друг, знаменитый в Сталинграде баянист Полудницын. Так что вскоре Тимофей даже стал аккомпаниатором в танцевальном ансамбле Тракторного завода. И когда маленькая Нина начала петь, то страшно тому обрадовался, мечтал, чтобы она стала знаменитой певицей.

А голосок у девочки был и в самом деле хорош, её во дворе даже прозвали Соловухой. Летом, бывало, откроет все окна, занимается чем-нибудь по хозяйству и поёт, а соседи улыбаются: «Наш Соловейко запел!» А пела Нина всегда и везде, всё, что слышала по радио – народные песни из репертуара Руслановой, оперные арии,

которые исполняли Лемешев и даже Шаляпин. Плохо было одно, что в школе не была развита художественная самодеятельность, учиться в музыкальной школе она не могла потому, что необходимо было приобрести пианино, а семья не имела такой возможности. Однако Тимофей Федорович всё-таки хотел, чтобы Нина училась музыке, потому обратился за помощью к слепому музыканту, жившему в их доме – он имел фисгармонь, хорошо играл на ней, знал нотную грамоту. Он, конечно, слышал пение девочки, потому с радостью согласился помочь ей освоить первые азы музыкальной грамоты. А Тимофей Федорович смастерил тренажёр - точную копию клавиатуры фортепиано, приладил на проволочках клавиши, и Нина учила на том «инструменте» мысленно, без звука, все задания, которые задавал ей на дом слепой педагог. В десятом классе неожиданно появилась возможность заниматься в хоре Тракторного завода, куда ходили её одноклассницы – они рассказали руководительнице о своей одарённой подружке, и та велела привести Нину на прослушивание. Так судьба свела девушку с Александрой Николаевной Башкатовой – талантливой певицей и педагогом, которая посоветовала Нине идти учиться в училище искусств, но не на вокальное отделение, а на дирижёрско-хоровое. Профессия дирижёра – верный кусок хлеба на всю жизнь, голос же может и пропасть, а петь можно и будучи дирижёром

Совет был принят, и девушка вскоре стала студенткой дирижёрско-хорового отделения Сталинградского училища искусств

им. Серебрякова. Одним из педагогов в училище был известный волгоградский композитор Виктор Семёнов, и поскольку Нина обладала и прекрасным чистым голосом, то он стал доверять ей исполнять свои новые песни.

После окончания училища в 1964 году её хотели направить в Михайловку, и муж был согласен на переезд (Нина вышла замуж на последнем курсе учёбы, у неё уже росла дочь), но потом вдруг выяснилось, что это ошибка, в Михайловке все вакансии заняты, и ей выдали свободный диплом. Она стала работать в школе № 83, где был музыкальный уклон. Было немного странно вести занятия наравне со своими прежними педагогами из училища искусств, Нина стеснялась, но дело своё она знала хорошо, потому после очередных экзаменов в школе по дирижёрско-хоровому искусству её бывший педагог Тер-Богдасарьян сказал: «Ниночка, всё у тебя получается прекрасно, просто замечательно, я даже не ожидал. Но тебе надо поработать над этим, а ещё над этим, вот тут поработай, а вообще всё просто замечательно, ты молодец. Так держать!» Через три года различные «уклоны» из обще-образовательных школ убрали, и Нину Попову взяла с собой на работу в пединститут Лариса Васильевна Акимова – декан факультета общественных профессий. Ну а потом её переманила к себе в хор вторым концертмейстером однокашница Тамара Семеновна Игнатова. Нина Тимофеевна одновременно с тем работала в музыкальной студии, затем организовала свой детский хор «Горошки».

Александр Львович Скакальский, руководивший в то время народным академическим хором, сразу заметил нового певучего работника дворца, стал приглашать Попову солировать в различных концертных программах. А потом, когда он уехал из страны, Нине Тимофеевне Поповой предложили занять его место. Конечно, она очень боялась принять на себя такую почётную, но очень ответственную ношу – Скакальского в хоре обожали. Однако концертмейстер Галина Смирнова сказала, что поможет ей работать, и, кстати, сдержала своё слово – была хорошим советчиком и помощником в первые годы работы с хором.

А потом и к самой Нине Тимофеевне пришли заслуженное признание, любовь и уважение хористов. За несколько десятков лет, которые Нина Тимофеевна отдала хоровому искусству, она руководила хором Волжского политехнического техникума, самодеятельным коллективом в селе Заплавное, обучала певчих церковных хоров, и каждый коллектив, во главе которого она стояла, становился лауреатом или дипломантом различных конкурсов. Словом, руководство дворца культуры сделало правильный выбор, доверив Нине Тимофеевне Поповой заслуженный и сильный хоровой коллектив, и это благодаря ей знамениты в области Михаил Покрашенко, Виктор Петриченко, Игорь Шопин, Михаил Весич...

Еще во время Скакальского занимались в хоре два тенора, два Михаила – Покрашенко и Весич, потом в «Гаудеамус» пришёл третий тенор – Михаил Кореньков. А вот Игорь Шопин, один из лучших

певцов Волжского, часто выходит на сцену с гитарой, у него бывают и сольные концерты. И в том, что голоса всех участников «Гаудеамуса» запоминаемы и любимы волжанами, конечно же, заслуга Нины Тимофеевны. И когда в афише значится концерт «Гаудеамуса», в зале дворца нет свободных мест. А теперь полный зал собирает и хор ассоциации «Дети военного Сталинграда» «Зоренька», случается, что бывает у них и совместный концерт.

Так что же движет участниками обоих коллективов, что держит их вместе, какая сила притяжения? Безусловно, это, в первую очередь, любовь к песне.

И всё-таки главная сила притяжения – Нина Тимофеевна Попова, человек, который близок обоим коллективам по духу, а самое главное, она вкладывает в дело всю свою, не менее певучую душу, как у всех, кто занимается в этих ансамблях.

В ОККУПАЦИИ

Истории детей военного Сталинграда иной раз почти невероятные по своей сути. Слушаешь и думаешь: что такого быть не может. А оно – было.

Когда я собиралась писать серию очерков об участницах ансамбля «Зоренька», некоторые из этих милых обаятельных женщин вдруг хмурились и, надо признать, без особого энтузиазма соглашались разговаривать, потому что тяжело им вспоминать о тех трудных грозных днях, особенно, если человек находился там в

самый страшный период – с августа сорок второго до февраля сорок третьего – в момент Сталинградской битвы или же в начале восстановительного периода после освобождения Сталинграда от фашистов. Я слышала уже, как жили дети в окопах одни или с родителями, слышала, каково приходилось в окраинных поселках, которые находились в прифронтовой полосе, но впервые услышала рассказ о том, каково жилось сталинградцам в оккупации.

- Родилась я в Орловке, в семи километрах от Тракторного завода, - начала свой рассказ Нина Петровна Рахимова, - у нас был свой дом. Мама, Анна Васильевна Дубцова, занималась домашним хозяйством, потому что нас, детей, было четверо, да и скотины много было. А папа, Дубцов Петр Алексеевич, работал на Тракторном заводе, потому ему дали «бронь» – в их цехе ремонтировали танки. Когда начались бомбёжки, мама заболела, и папу однажды отпустили на сутки проведать нас. Он уже собрался возвращаться, а тут немцы неожиданно заняли Орловку, и папа остался дома. Наш дом был соединён коридором с сараем, и при бомбёжках мы в том сарае прятались. Прятались и в пещерках песчаных в склоне балки, однажды нас там чуть не засыпало, еле-еле виден был просвет, мама даже сказала, что смерть наша пришла, однако нас откопали. А зимой мы перебрались в сарай. Мама, бывало, нас как цыплят к себе прижмёт, руками старается укрыть, как наседка, а мы дрожим, плачем, - видимо, перед глазами Нины Петровны встали очень отчётливо те времена, и она непроизвольно смахнула слезу.

29 сентября фашисты, действуя большими силами (16-я танковая дивизия генерала Ангерна, 389-я пехотная дивизия генерала Мангуса и группа «Штахель») при поддержке авиации пошли в наступление на правое крыло 62-армии в районе Орловки, чтобы ликвидировать орловский выступ в линии фронта и овладеть северной частью Сталинграда. Упорные кровопролитные бои продолжались неделю, наши войска под угрозой окружения вынуждены были отойти, но фашисты под Орловкой потеряли много людей и техники. Участник боев с немецкой стороны полковник Г. Динглер впоследствии писал: «Мы посылали в атаку всё новые и новые подразделения, но они неизменно откатывались назад с тяжёлыми потерями, настолько прочно русские зарылись в землю...»

Противник сумел овладеть Орловкой только 2 октября, ему удалось продвинуться также и в районе посёлка Красный Октябрь.

- Как немцы вошли в Орловку, - вспоминает Нина Петровна, - сразу же стали рыть окопы и строить блиндажи, потому наш дом сломали, потому-то мы и перешли жить в сарай. С нами вместе жили папин брат с семьёй, ещё кто-то. В общем, в сарае было нас 17 человек. Вокруг стен соорудили нары, на них сидели дети, по середине стояли стол да железная печурка. Корову нашу и прочую живность немцы забрали. В других уцелевших домах они разместили госпиталь и ещё что-то.

Питались мы, как придётся. Отец ходил с маминой сестрой по округе да собирал, что на глаза попадёт. Если находили мешок с

продуктами, сброшенный с воздуха нашим или немцам, то это был праздник. Ещё, помню, был мешок с зерном да мука, оставленные каким-то военным, который с семьей жил у нас до наступления немцев. Из четверых маминых детей двое стали опухать от голода и умерли, и мама долго плакала. В один из походов за едой папу ранило. А однажды его чуть немец не убил. Вернее, финн-солдат. Финны были очень злые, хуже немцев. Дверь в сарай туго закрывалась, и если кто-то пытался её открыть снаружи, то мы успевали закрыть подушкой маленькое оконце, и в сарае становилось темно, и что в нём творится, с улицы не видно. Дело было зимой, немцы часто заходили к нам, искали тёплые вещи. Они такие мерзляки были – осенью мы ещё ходили в лёгкой одежде, а они уже мерзли, забирали у людей одеяла, шали, тёплую одежду. Мы тёплые вещи каждый день прятали под нарами, сами же были кто в чём. Как-то мама готовила что-то на печурке, и тут вошли два солдата. Дверь распахнули и смотрят внутрь. А ведь зима была, папа и сказал: «Пан, закрой, пожалуйста, дверь, холодно, здесь дети малые». Один из солдат выхватил пистолет и выстрелил в папу, но не попал – или нарочно промахнулся, чтобы просто попугать, или же стрелял вообще не глядя, пуля только возле уха свистнула. Мы все закричали, а тот, который стрелял, схватил кастрюлю с варевом и выскочил на улицу. Мама – за ним. Мы тоже выбежали следом. Кастрюля была горячая, солдаты передают её друг другу, а мама мечется между ними, отбирает её. Наконец кто-то уронил кастрюлю, мама упала на неё. Мы

как увидели, что мама упала, заплакали ещё больше, подумали, что маму убили, - Нина Петровна замолчала, и лишь справившись с волнением, продолжила рассказ:

- Напротив нашего сарая находился госпиталь - Орловка была километрах в трех от передовой и считалась уже тылом. Услышав крики, из госпиталя выскочили военные, что-то закричали двум налётчикам: видимо, чтобы они отстали от нас. И правда, оба солдата тут же ушли. Они к концу сражения тоже очень сильно голодали, так что неудивительно, что ходили по избам и забирали еду. В ночь под 1943 год немцы в один из сараев собрали всех уцелевших кошек, собак, шум стоял в сарае невообразимый, а потом всё стихло – солдаты живтных поубивали, чтобы сытно встретить новый год.

- Немцы не обижали вас?

- Нет, заходили, искали, что им надо, а бить не били, в плен не угоняли, по крайней мере у нас в Орловке, наверное, им было не до этого. Вот лагерь для военнопленных был неподалеку. Наши солдаты пленные возили к немцам на передовую еду, боеприпасы – их впрягали в сани вместо лошадей и заставляли везти. Четверо пленных сбежали, зашли к нам и попросили укрыть. Трех спрятали под нарами в глубине, а одного переодели, он был среди нас. Немцы забегали к нам, когда искали беглецов, спрашивали: «Матка, есть у вас русский солдат?» Но в сарае столько народа было, никто нас никогда не считал, так что этого солдата никто не узнал. И мы дети, хоть и маленькие были, тоже молчали, понимали, что если пленных

найдут, всех нас убьют. В селе был староста. Он врагов встречал с хлебом-солью. Для немцев старался искать захороны, мы ведь вещи и продукты прятали, вот он и показывал эти ямы немцам. И хорошо, что не знал о пленных, которые прятались у нас. Когда наши войска освободили Орловку, он их тоже встретил с хлебом-солью. Но кто-то из жителей сказал, что староста прислуживал фашистам добровольно, его хотели арестовать, да тот успел сбежать.

- Помните, как вас освобождали наши солдаты?

- Конечно. Грохот выстрелов, канонада началась, и вдруг в наш сарай вошёл молодой-молодой солдат в белом полушубке и сказал маме: «Ну, мать, слушай, как сейчас моя «катюша» по немцам танцевать будет!» Оказалось, что в нашем огороде поставили реактивные миномёты, которые солдаты прозвали «катюшами». А мы не знали, что это такое, и как они завизжали – у-у-у! - мы все перепугались. А потом пленных немцев мимо нас погнали. Мама узнала того финна, который чуть папу не застрелил, и бросилась на него, а солдаты её оттащили, сказали, что, мол, мы, мать все понимаем, но пленных бить нельзя. Вот так наши солдаты относились к пленным даже после боя. Тех солдат, которые у нас прятались, тут же обмундировали, они потом к нам приходили, плакали даже, что мы их спасли. А папу сразу же положили в госпиталь в Сарепте, потому что его буквально перед наступлением наших войск опять ранило, когда он с сестрой мамы искал упавший мешок с продуктами. Тётя еле-еле дотащила его волоком до дома. Папа долго лечился, на фронт

его не взяли, направили в рыбачью артель в село Безродное. А как стал восстанавливаться Сталинград, он поступил работать в подсобное хозяйство, и опять не повезло, потому что это хозяйство расформировали. К этому времени уже началась стройка ГЭС, нам деваться было некуда, жить тоже негде, и мы переехали в Ростовскую область. Не знаю, почему именно туда, ведь родственников там у нас нет, может быть, просто людей туда набирали.

- Жизнь была тяжёлая, а всё-таки душа Ваша осталась певучей. В семье Вашей пели?

- Да я, сколько помню себя, всё время пела что-нибудь. Я в Ростовской области в колхозе работала сначала телятницей, а потом – дояркой. И всегда пела, когда коров доила. Животновод меня часто ругал за это, мол, коров пугаю, а сам, если кто-то частушки петь затевал, тут же меня звал петь. У меня в группе корова была, звали Зойкой. Она стояла первой от входа, я её всегда первой и доила. Дою да песни пою, а Зойка смирно стоит, не шелохнётся. И так она привыкла первой доиться, что даже когда в поле выгоняли летом, она всегда ко мне первой прибегала. А может, просто любила меня – бывало, поглажу её, конфетку или хлеба дам. Встанет Зойка передо мной как вкопанная и глазом косит, мол, я пришла, подои меня. Ну и поспорили животновод, счетовод и ветеринар, обидится ли Зойка, если первой её не подою, и попросили меня так сделать. Иду я по стаду да песни пою. Зойка прибежала, встала передо мной, а я обошла её и стала доить другую корову. И уже заканчивала дойку, как вдруг

меня кто-то сзади как толкнёт! Подойник опрокинулся, молоко – всё на мне. Оглянулась, а это, оказывается, Зойка меня толкнула. Она постояла немного, подождала, увидела, что я стала доить другую корову, и толкнула меня. Спорщики захохотали, я - вместе с ними. Ну, погладила Зойку, успокоила её, стала доить. А она повернула голову ко мне, а из глаза слёзы текут – переживала, видимо, что я так поступила с ней, а то и стыдно было за то, что ударила меня. Так что песни не только люди любят, животные - тоже. С тех пор я никогда так с Зойкой не поступала, всегда доила ее первой.

- А как оказались снова здесь.

- Просто вернулись сюда. Родные же края здесь. Купили домишко на острове Зелёном. Уже и город строился. Папа стал возчиком в ЖКО, мама не работала – болела, и я дома сидела с сыном Колей. Потом я работала в общежитии на Зелёном, за это получила квартиру. Работала на строительстве химкомплекса, на второй строительной площадке, а потом надоело по лесам лазать, вот и устроилась работать на завод органического синтеза, оттуда и на пенсию пошла.

У Нины Петровны Рахимовой есть уже и внуки, и даже правнучка Юлечка растёт, так что ей скучать некогда. Однако ансамбль «Зоренька» - самое светлое в её сегодняшней жизни, самое радостное, и потому два раза в неделю она едет во дворец культуры «Волгоградгидростроя», чтобы вновь встретиться со своими подругами.